

НАТАЛИЯ БАСОВСКАЯ

ВСЕ ГЕРОИ

МИРОВОЙ

ИСТОРИИ

ФАКТЫ,
ДОКУМЕНТЫ,
ЛИЦА
в одной книге

Большая книга истории и искусства

Наталия Басовская

Все герои мировой истории

«Издательство АСТ»

2018

УДК 929(100)
ББК 63.3(0)-8

Басовская Н. И.

Все герои мировой истории / Н. И. Басовская — «Издательство АСТ», 2018 — (Большая книга истории и искусства)

ISBN 978-5-17-108189-8

Истории жизни всех самых интересных и ярких исторических личностей, рассказанные известным историком Наталией Басовской собраны в этой книге. Герои, злодеи, роковые женщины, владыки полумира и бунтари любили, ненавидели, боролись, проигрывали и побеждали много лет назад, но их судьбы волнуют нас до сих пор. Все их тайны приоткрывает перед читателем знаменитый историк. Что связывало Ричарда Львиное сердце и короля Франции? Кто был более жесток, чем герцог Альба? Кого на самом деле любила Нефертити? Почему старый Китай закончился при Императрице Цы Си? Все ответы в этой книге.

УДК 929(100)

ББК 63.3(0)-8

ISBN 978-5-17-108189-8

© Басовская Н. И., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Древний мир	7
Эхнатон. Фараон – вероотступник	7
Солон. Начало демократии	15
Перикл. Стратег, великий реформатор	21
Александр Македонский. Мир идей ученика Аристотеля	28
Цицерон. Слово может многое...	35
Нерон. Артист у власти	41
Веспасиан. Крестьянин на троне	47
Царица Нефертити. «Прекрасная пришла»	53
Фемистокл. Спаситель и изгнанник Афин	61
Ганнибал. Верность клятве	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Наталия Басовская

Все герои мировой истории

Художественное оформление серии Виктории Лебедевой

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Предисловие

Когда я в школе начинал учить историю, сначала рассказы по истории СССР, затем историю Древнего мира и Средних веков, я удивлялся и возмущался, как мало там людей. Есть события, движения масс, а людей нет. Меня всегда интересовали люди. Почему они поступают так, а не иначе, почему они именно такие, а не сякие, почему он был такой, а стал другим, почему он за Жанну д'Арк и против англичан. Эти бесконечные «почему» меня преследовали всегда, когда я читал книги по истории. Поэтому успехом пользовались исторические романы, в которых всегда в центре сюжета были не движения масс, а люди с их судьбами и трагедиями. И великие люди переживали те же потрясения и несчастья, что и все остальные. Почему таким успехом пользовались книги серии ЖЗЛ? Не важно, как они были написаны, книжки были разные. Была и другая серия – серия «Пламенные революционеры». То есть речь идет о тех книгах, в которых рассказывалось о жизни великих людей. Потому что в их жизни всегда было место для трагедии, всегда – слом, потери, отказ от самого себя. И вот, когда на «Эхе», в рамках исторической передачи «Не так», прозвучали слова не о событиях, а о людях, я подумал о том, что неплохо было бы сделать отдельную передачу про людей, о которых мы читали в школьных учебниках в 5–6–7 классах, но про которых написано всего одной строчкой, а они так же значительны и интересны, как и те, о которых мы знаем, что они великие. Мильтиад. Кто это? Непонятно. Лао Цзы. Кто это? Фрэнсис Бэкон. Кто это? Мы не знаем. Потому что их всегда вписывали в эпоху, а я считаю, что эпоху надо в них вписывать.

И вот возникла идея. Она абсолютно сумасшедшая. Потому что люди отбираются не по какому-то принципу, а произвольно, исключительно по нашему с Наталией Ивановной желанию. Мы хотим и видим этих людей, хотим и можем вести о них разговор. Для нас нет особой разницы между Тамерланом и Ришелье. Но мы решили с ней ввести два ограничения, чтобы не политизировать эти портреты, хотя все равно они в какой-то мере оказываются политизированными, потому что политика пронизывает историю начиная с Древнего Египта. Первое ограничение. Не брать российских героев или негодяев, правда, бывает, что и нет между ними разницы. И второе. Исключить вторую половину XX века, да и из первой практически никого нет. Это сделано для того, чтобы не входить в современные российские баталии, хотя, конечно, политическая жизнь влияет на наш выбор. Когда, например, вышел фильм «Монгол», мы тут же сделали передачу о Чингисхане, а когда вышел фильм о Византии, мы сделали передачу о Василии II Болгаробойце, попадая в поле общественно-информационного интереса. Но на самом деле, как мне кажется, это бесконечные сказки Шахерезады – для того, чтобы наши слушатели понимали, что мотивации оказывали и оказывают огромное влияние на те события, которые происходят вокруг нас. Ну а на роль Шахерезады лучше, чем Наталия Ивановна Басовская никого не найдешь.

Алексей Венедиктов,
главный редактор радиостанции «Эхо Москвы»

Древний мир

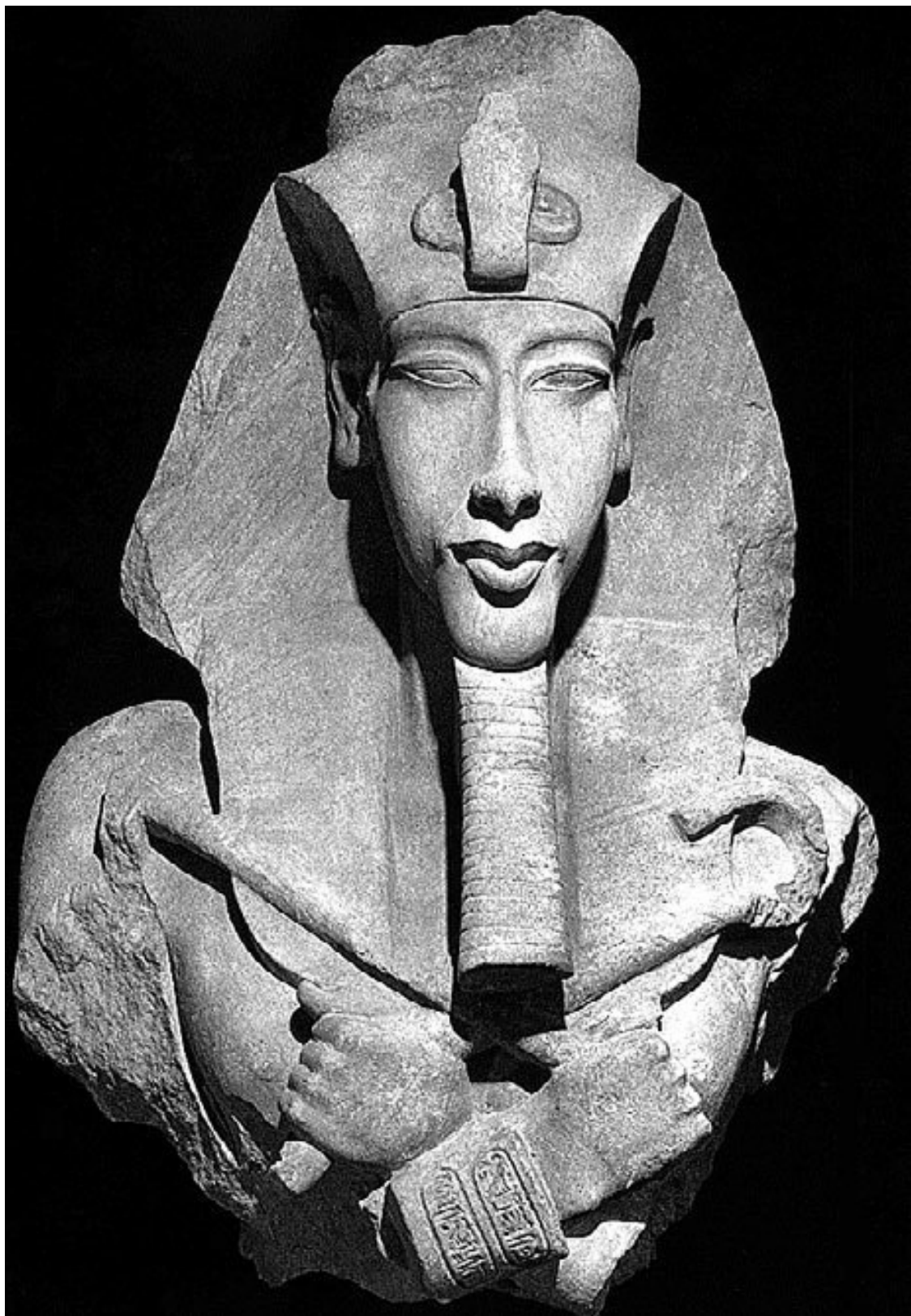
Эхнатон. Фараон – вероотступник

Эхнатон – фараон-загадка, фараон-легенда. Реформатор, еретик. Еще бы! Замахнулся на святая святых – религию! Бесстрашно вознамерился изменить ритуал. Даже сегодня, когда перемены сыплются как из рога изобилия, мы понимаем, что это был за поступок. И потому со времени появления египтологии ученые без устали спорят об Эхнатоне и не могут прийти к единому мнению.

Два года тому назад испанская газета «Эль Паис» опубликовала огромную статью, которая называлась «Эхнатон – деспотичный фараон-еретик, предтеча Сталина». Новые открытия, говорилось в ней, ставят Эхнатона, считавшегося прежде неким мистическим пацифистом, на одну ступень с такими преступниками, как Гитлер и Сталин. Со Сталиным сравнил его известный британский историк-египтолог Николас Ривс, написавший в 2001 году книгу «Эхнатон – ложный пророк Египта». Но есть и другая крайность. Так, другой известный египтолог Артур Вейгалл, идеализируя Эхнатона, пишет следующее: «Уже 3000 лет он дает нам пример того, каким должен быть супруг, отец, честный человек. Он показал, что должен чувствовать поэт, в чем наставлять проповедник, чего добиваться художник, во что должен верить ученый и что должен думать философ».

А вот полярная оценка его деяний: «Увы, его собственная жизнь доказала, до какой степени его принципы были нежизненны». И это естественно – слишком велика, экстраординарна фигура! На самом деле споры вокруг Эхнатона будут продолжаться еще и потому, что с его именем связаны серьезнейшие и многолетние археологические изыскания, раскопки, расшифровка текстов. Появляются новые данные, возникают оттенки в воззрениях и суждениях – так или иначе фигура Эхнатона – одна из главных, наиболее привлекательных и значительных в египтологии.

Сразу после смерти Эхнатона преемники вычеркнули его имя из списка фараонов – еретику не место среди правителей страны! Он был тайно похоронен, место его захоронения неизвестно до сих пор. Но поистине «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Чем ожесточеннее были попытки вытравить память о нем, тем более значимым и нужным становился он для истории. Результат оказался прямо противоположным. Мало о ком мы знаем сегодня так много, как об этом «еретике».

Статуя Эхнатона из храма Атона в Карнаке.
XVIII династия. Фото репродукции

Его имя при рождении было Аменхотеп IV, он был преемником великого правителя Аменхотепа III, пробывшего более 60 лет на престоле. Эхнатоном он стал при проведении своей знаменитой религиозной реформы.

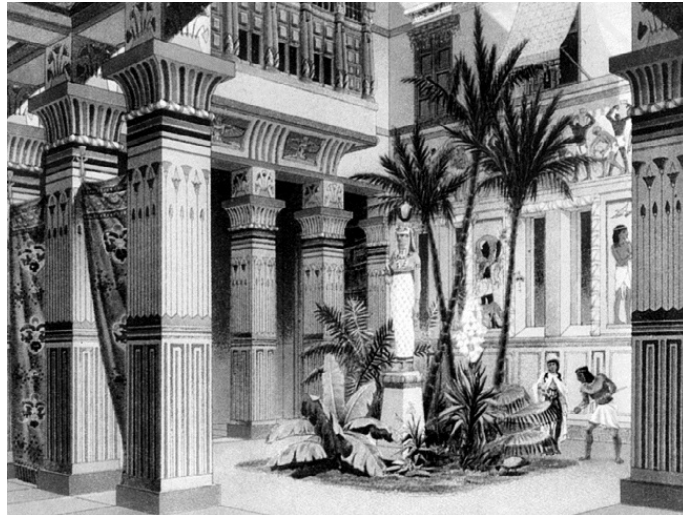
Это была середина XIV века до н. э. Подумать только! Прошло столько времени, но и сегодня эта фигура волнует воображение людей. Почему? Больше трех тысяч лет назад Эхнатон попытался совершить духовный и политический переворот в великой, можно даже сказать мировой державе того времени. Египет, достигший в те времена пределов Евфрата на севере и четвертого порога Нила на юге, захвативший Сирию, Палестину, Нубию, то есть расположившийся на двух континентах, был громадным образованием, которое удерживать тогдашними силами было очень трудно. Одной из главных проблем Эхнатона было сохранить это великое сооружение. Но как это сделать? Возможно, он видел выход в реформе, которую совершил. Поклонение диску Солнца, единому богу Атону, быть может, виделось ему актом единения, сплочения народа, актом укрепления и усиления государства?

Однако известно, что нет ничего более стабильного и консервативного, чем религиозные воззрения, которые коренятся в самых глубинных пластах сознания. Человек может принять другую религию под влиянием обстоятельств или собственных внутренних убеждений – народы отказываются от нее только в результате завоеваний, но тогда перестают быть теми, кем были раньше. После крещения Руси славяне еще столетия оставались язычниками. Самые кровавые и жестокие войны, как известно, – религиозные, люди идут на смерть, но не могут принять новую религию, ибо отказ от своих богов – грех самый страшный, страшнее смерти.

И все-таки поначалу казалось, что ему удалось невозможное. В стране введен новый официальный культ. Построена новая столица, город Ахетатон (на месте, где потом возникнет арабская деревня Тель-Амарна). В Египте происходит подлинный переворот в изобразительном искусстве. Спустя многие столетия, в Новое время, возникнет термин «Амарнское искусство», которым обозначили эпоху высочайшего взлета культуры Древнего Востока. Чего стоит знаменитый скульптурный портрет жены Эхнатона, царицы Нефертити! Несколько вариантов ее изображений хранятся в лучших музеях мира, самое прекрасное из известных мне находится в берлинском Египетском музее. Нефертити – жена Эхнатона, ее имя переводится как «Прекрасная пришла». И действительно пришла – пришла на тысячи лет. Искусство обращается к Аристотелеву принципу подражания природе. Если Нефертити действительно красива, передадим ее человеческую красоту, а не только ее высокое положение. Если дочери Эхнатона действительно худенькие, хрупкие, с очень тоненькими ручками – их такими и изображали.

Итак, Аменхотеп IV был десятым фараоном знаменитой XVIII династии. Ее родоначальником являлся Яхмос I, победитель гиксосов, которые на 130 лет повергли мощно расцветший Египет Среднего царства в хаос и тьму. Яхмос с ними покончил, Египет еще более укрепился, и главным городом стали Фивы. Все преемники Яхмоса – Аменхотеп I, Тутмос I, Тутмос II, его вдова Хатшепсут и знаменитый завоеватель Тутмос III, при котором Египет и обрел свои окончательные границы, – все они почитали город Фивы как центр возрождения Египта, центр освободительного движения против завоевателей.

В итоге фиванские жрецы владеют немислимыми богатствами, которые им везут отовсюду. В одной из книг я даже прочитала, что при Аменхотепе III жрецы получили четырнадцать тонн золота. Эту цифру нельзя воспринимать буквально, но она говорит о том, что они были самыми влиятельными людьми в государстве. Считалось, что именно жрецы своими действенными молитвами богу Атону, солнечному божеству, укрепляли могущество Египта. Реформа Эхнатона не подрывала представление о Солнце как о божестве, Эхнатон предложил лишь поклоняться не изображению, а самому диску, непосредственно природе. Но даже это испугало жрецов.

Внутренний двор в доме богатого египтянина.
Около 1400 г. до н. э. Реконструкция. Фото репродукции

У Аменхотепа III было много жен, среди них были не только египтянки – ведь проблемы многоженства тогда просто не существовало. Тейя, видимо, любимая жена Аменхотепа III, стала матерью будущего еретика. Мы почти ничего не знаем о его детстве. Однако – поразительная удача – нам известно имя его учителя!

Его звали Аменхотеп сын Хапу. Это был жрец, который дожил примерно до 80 лет – редчайший случай в древности. Склонный к мистическому восприятию жизни, он воспевал солнечный свет и тем явно повлиял на будущего Эхнатона. Жрец был целителем – на его могилу приходили паломники, спустя не один век после его смерти говорили, что там происходят чудесные исцеления. Вот такой учитель был у маленького сына царя. И это важно. Именно в детстве образуется та глубинная корневая система, которая прорастает в зрелости, давая густую крону. Перефразируя известные слова, можно сказать: «Скажи мне, кто твой учитель, и я скажу тебе, кто ты». Известный французский исследователь и писатель Кристиан написал в 1990-х годах книгу «Египет великих фараонов». Вот в каком патетическом тоне он писал об учителе Эхнатона: «Его имя переживет века, в то время как имена его современников забудут. Его наследники – не памятники и не дети, а книги, знания, которые он записал... Магическая сила его писаний дойдет до читающего и наставит его на путь истинный». При Аменхотепе III жрец стал видным вельможей и, наконец, учителем будущего фараона. Известно, что он был еще и зодчим – тогда, в древности, было в порядке вещей такое разнообразие талантов и занятий.

Эхнатон (тогда еще Аменхотеп IV) стал правителем примерно в 15 лет. Сверх меры одаренный, он начинает жить и действовать не так, как принято. В первые годы своего правления он приказал построить в Фивах, в той самой традиционной столице, храм Атона, своего будущего божества. Вокруг храма разместили примерно сто изображений Аменхотепа, кое-какие из них сохранились, и все они были выполнены не по канону. На них Аменхотеп IV не колосс, не каменный идол, пугающий людей, как это было принято во времена ранней XVIII династии и тем более в эпоху Среднего царства. Это обычный человек, не атлет, телосложение его несовершенно: довольно узкие плечи, впалая грудь. Он напоминает интеллектуала – у него лоб мыслителя и, кроме того, подчеркнуто вытянутый назад череп. Необычную форму черепа наследовали и его дочери. Об этом много говорили и спорили. Есть версия, что это наследственная болезнь. Дело в том, что правители Древнего Египта выходили замуж и женились на своих близких родственниках. Кровосмешение могло привести к генетическим сбоям. Но все-

таки окончательного вывода никто не сделал. Может быть, таков был художественный стиль или особенность приема мастера, отступившего от канонов.

Имя Аменхотеп расшифровывается как «Живущий правдой». Уже после постройки храма Атона жрецы явно забеспокоились – почему вдруг солнечному диску ставится храм, а не тому великому божеству Амону, которому Египет обязан своим процветанием? А это были только первые зарницы будущей революции.

На шестом году своего правления фараон принимает немислимое решение покинуть столицу Фивы и сменить свое имя (а ведь имя фараона – это имя живого бога). Эхнатон (отныне это его имя, оно означает «Угодный Атону») берет с собой несколько тысяч людей, в том числе зодчих, ремесленников, каменотесов, и отправляется примерно за четыреста километров на север от Фив. И там, на восточном берегу Нила он строит новую столицу, которую назвал Ахетатон – «Горизонт Атона». Как в XIX веке об этой столице стало известно археологам, отдельная история. Правда, рассказывают ее по-разному. Одни пишут, что некая египтянка полоскала белье в Ниле и нашла табличку, на которой увидела какие-то черточки. Зная, что белые люди покупают такие таблички, она продала ее. Черточки оказались клинописью. На табличке на арамейском языке был записан текст международного договора между правителем Египта и хеттским царем.

Существует другой рассказ, еще более экзотичный. Женщина действительно полоскала белье, а кто-то из археологов или путешествующих белых туристов обратился к ней с вопросом. Ей чем-то не понравился «франк», так местные называли белых путешественников, и она швырнула в него табличкой. Ничего себе!

В 90-х годах XIX века начались раскопки. Особо нужно отметить старания английского археолога Питри, который посвятил поискам многие годы. И наконец удача. Найдена та новая столица, которая была построена согласно воле и приказу фараона-отступника Аменхотепа IV. Она, как чудо в пустыне, как мираж, выросла стремительно, как по волшебству... и оказалась через тысячи лет раем для археологов. Потому что сразу после смерти Эхнатона был приказ жрецов Амона покинуть этот город, оставить его навсегда.

В одной из надписей, сохранившихся в Ахетатоне, фараон утверждает, что само Солнце своим лучом указало ему место для новой столицы. Город был гармоничный и красивый, но жизнь его была недолгой – пески сделали свое дело, они засыпали его, превратив в некрополь. И надолго, на тысячелетия законсервировали его. Это было отмщение. Вы хотели вычеркнуть его насовсем, вы много сделали для этого, господа фиванские жрецы, но не думая, не предугадывая, вы донесли до нас невиданный объем информации именно об этом городе и о причине ненависти к нему.

Столицу, основанную по велению самого Солнца, Эхнатон поклялся никогда не покидать. Клятву свою он выполнил: он прожил в ней до конца своей жизни, более 10 лет. Там были сооружены прекрасные дворцы, созданы великолепные парки, построены загородные виллы. Жизнь была ключом, на большой рыночной площади кипела торговля – возник богатый, живой, активно живущий город. Именно в нем при раскопках помещения, которое, по видимому, было мастерской скульптора по имени Тутмос, была найдена всемирно известная скульптура царицы Нефертити. Мастерская Тутмоса была разрушена, некоторые работы – разбиты, а Нефертити уцелела. Она лежала на земле лицом вниз. Возможно, скульптор, догадываясь, что сотворил чудо, положил ее так в надежде, что спасет ее.

Судя по изображениям и текстам, отношения Эхнатона и Нефертити поначалу были безупречными, даже идеальными – может быть, сознательно идеализируемыми. Сохранилось много барельефов с трогательными семейными сценами, что было нетипично для изображений фараонов. Во времена Среднего царства это были колоссы, холодные, с каменными лицами. А Эхнатон сидит на троне, у него на коленях – Нефертити, которая держит дочь. На другом барельефе Эхнатон нежно целует одну из шести дочерей. Все это прежде было совершенно

невозможно в древнеегипетском искусстве. Это уже ересь, которая, как это часто бывает, дала замечательные плоды, новация, которую встречают в штыки, а потом тысячелетиями восхищаются.

Фараон Эхнатон и Нефертити с детьми в лучах бога Атона.
Рельеф из города Амарны. Около 1350 г. до н. э. Фото репродукции

Эхнатон и Нефертити жили, видимо, безупречно хорошо. Ежедневно с восходом солнца начиналось богослужение, таково было строгое правило. Ни на одном изображении мы не увидели Эхнатона карающего, кого-нибудь вешающего, кого-нибудь бичующего. У прежних фараонов это было. А он – на колеснице с Нефертити, с детьми, и везде его сопровождает солнце... Солнечный диск изображался как диск с длинными лучами, кончики лучей – это ладони, которые ласково тянутся к людям и ласкают их.

По-видимому, один из мотивов его религиозной реформы, наивный и философский, – это попытка сблизить те народы, которые Египет покорил. Наивно, но приведем в переводе Бориса Александровича Тураева, нашего замечательного востоковеда, гимн Атону, солнечному диску, который приписывается самому фараону: «В единстве своем нераздельном ты сотворил всех людей, всех зверей, всех домашних животных, все, что ступает ногами по тверди земной, все, что на крыльях парит в Поднебесье. В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте тобой предначертано каждому смертному место его. Ты утоляешь потребности и нужды людей, каждому пищу своя, каждого дни сочтены. Их наречья различны, своеобразны обличья и нравы, и стать, цветом кожи не схожи они. Ибо ты отличаешь страну от страны и народ от народа». Это находится в явном противоречии с идеологией Древнего Египта эпохи Среднего царства. За 200 лет до Эхнатона Египет превратился в крупную державу. Именно тогда возник, можно сказать, правда, с некоторой оговоркой, египетский шовинизм. Только египтяне фигурируют в надписях того времени, только Египет, который называют «страной людей», представляет для них интерес. За пределами Египта – «страна песка», «презренная страна Куш», наконец, «страна золота» – золотоносная Нубия. Во времена Аменемхетов, Сети, целых династий фараонов Египет попирает мощной своей дланью и сильным войском все другие народы. И народы эти ценятся мало. В громадной для своего времени державе обеспечить спокойствие границ было трудно, почти невозможно, народы на окраинах – это скорее вассалы, которые платят дань египетскому фараону, боятся его власти, его силы. Как их объединить?

И Эхнатон отступает от привычных идей. Шовинизм – это самое простое оружие. Во все эпохи эта примитивная идеология – самая популярная. Эхнатон избирает непопулярную. Вот

эти солнечные лучи, видишь их? Они ласкают всех, люди могут быть разного цвета кожи, но все они должны жить вместе.

Но понравилось ли это его соплеменникам? Огромной части – нет. На кого же он все-таки опирался? Он нашел опору в служилой знати. Во все времена рано или поздно появляются такие люди – не аристократы, а люди, выдвинувшиеся по службе. В этом Эхнатона можно сравнить с Петром I. Эта новая знать, которая имела очень выразительное название – «немху», что значит «сироты», рассуждала так: «пусть мы не знатны и нас называют сиротами, но мы богаты и имеем заслуги перед фараоном». Эхнатон окружил себя именно этими людьми. И они, конечно, верой и правдой ему служили. И очень быстро и легко потом изменили.

Есть еще малонаучная, но любопытная версия, объясняющая временный успех реформы Эхнатона. Согласно ей, этому поспособствовали события природные, как сказали бы мы сегодня, серия экологических катастроф, связанных с возможной гибелью острова Санторин (предполагаемой Атлантиды) в Средиземном море. Это в свою очередь вызвало страшные черные бури с сильнейшими ветрами. Солнце скрылось, черные тучи надолго закрыли его. Эхнатон мог объяснить это по-своему: значит, египтяне плохо молились Солнцу, надо молиться лучше, и оно вернется. А ведь даже короткое затмение солнца в древности и в Средние века вызывало чудовищную панику. Людям казалось, что наступил конец света. А поскольку в случае экологической катастрофы затмение могло длиться долго, то вполне возможно, что именно в это время реформа Эхнатона находила сочувствие народа.

Около десяти лет Эхнатон живет в своей новой столице – жизнь кажется безоблачной. Но умерла его вторая дочь по имени Макетатон, ей было 10–12 лет. Это и последующие события были подробно запечатлены в изобразительном искусстве. Барельефы, рельефы, изображения того времени – это как документальный фильм о семье фараона. Вот началась похоронная процессия – хоронят эту девочку, дошли до места захоронения, вот плакальщицы, Эхнатон и Нефертити охвачены горем, они заламывают руки, как обычные земные люди. Почему Атон, которому они молились так много и так усердно, допустил смерть безгрешного ребенка?

Именно после этих похорон что-то происходит между Эхнатоном и Нефертити. Разрыв? Они не живут вместе. Она переезжает в загородный дворец. Благодаря раскопкам, нам очень много известно о ее жизни там – тихой, мирной, довольно замкнутой. У нее был зверинец, куда она собирала редких животных, возможно, они развлекали ее. При ней жил мальчик, возможно, будущий фараон Тутанхамон. Впоследствии он сменит имя и отступит от реформы своего предшественника.

Что-то происходит... У Эхнатона появляется другая жена, Кийя, видимо, из простых, возможно, дочь кого-то из его служащих. Она красива. По-другому, чем Нефертити, но красива. Ее изображения сохранились. О ней много писал наш замечательный египтолог Ю. Я. Перепелкин. Между Эхнатоном и его новой женой, видимо, очень страстные, очень близкие отношения. На ее могиле сохранилась эпитафия, которая напоминает мне «Песнь песней» Соломона: «Буду слышать я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих, буду видеть я доброту твою ежедневно, таково мое желание. Буду слышать я голос твой, да слышу я голос твой во дворце солнечного камня, когда творишь ты службу отцу твоему, Атону живому. Да будешь ты жить, как Солнце, вековечно, вечно». Едва ли эти слова могли исходить от кого-то, кроме Эхнатона. Нефертити отодвинута на задний план...

Были ли дети у Эхнатона от новой жены? Если были, то кто они? Не является ли Тутанхатон, будущий Тутанхамон, их сыном? Никогда уже, видимо, на эти вопросы не будут найдены ответы. Потому что целое полчище грабителей прошло по гробницам Эхнатона и Кийи. Сам город Ахетатон не был разграблен, а гробницы, которые находились за пределами города, были разрушены и опустошены.

Закат жизни Эхнатона был достаточно грустным. Он разошелся с Нефертити, которая была явно его единомышленницей, реформа шла не очень успешно. Соседние народы, облас-

канные солнцем, должны были бы примкнуть к Египту, но восстают против египетского владычества. Непокойно в Миттани, тревожно в Ассирии. На исторической арене появляется загадочный воинственный белокожий народ хетты, который пришел неизвестно откуда и ушел в никуда. Но прежде чем уйти, хетты наносят поражение египтянам.

Конец правления Эхнатона – это начавшийся развал великой империи. Как раз к этому времени относятся изображения Эхнатона с тростью. А ему всего 35 лет. Видимо, он не очень здоров, его фигура очень хрупкая, совсем тонкая. Возможно, его генетическая болезнь заметно прогрессировала. Иногда говорят о водянке мозга, называют и другие болезни, но ни одна версия не доказана, хотя, возможно, они и имеют право на существование.

Египет, эта почти мировая империя начинает трещать по швам. Из-за его реформ в том числе. Реформа не помогла и, может быть, даже навредила. Особенно, как считают специалисты, и думаю, они тысячу раз правы, опасным шагом была отмена культа Осириса. Человек лишился загробной жизни, гарантированной каждому в Древнем Египте, бесконечной, счастливой. Раскопки в Ахетатоне показывают, что в маленьких хижинах, где жили простые люди, хранились, по-видимому тайком, мелкие изображения былых богов и божков. Значит, было сопротивление не только жрецов, которые якобы организовали переворот и чуть ли не отравили и ослепили Эхнатона, – обычные люди не приняли его новшеств.

Замечательная находка была обнаружена в Ахетатоне: вылепленная из глины маленькая колесница, в которую запряжена обезьяна. Ею управляет обезьяна-колесничий, рядом восседает мартышка. Это настолько похоже на карикатуру – выезд Эхнатона и Нефертити на богослужение Атону, – что можно представить, каким сильным было сопротивление его реформе.

Как ушел из жизни этот мятежный правитель, еретик-реформатор, мы не знаем. После него меньше года правил таинственный Сменхкара. Кто он такой, неизвестно. Затем – Тутанхамон, которого сменил чиновник, важный вельможа Эйе. Следующий правитель – некто Хоремхеб, генерал, начальник войск, правивший 27 лет, наложил табу на упоминание имени Эхнатона, вычеркнул из списков фараонов всех своих ближайших предшественников, прямо объявив себя наследником Аменхотепа III. Вот она, типичная попытка фальсификации истории. Он не знал, что будет такая наука археология, которая все поставит на свои места.

Солон. Начало демократии

Еще в древности этот человек был причислен к семи величайшим мудрецам. Имена шести из них сейчас известны только специалистам. А Солон знает все. Он – самый древний из известных нам мудрецов – жил две с половиной тысячи лет назад! Сколько событий произошло с тех пор! Сколько имен правителей предано забвению! А Солон и по сей день с нами – в учебниках по истории, в размышлениях об устройстве жизни.

В чем же дело? Говоря современным языком, он открыл законы демократии, которые оказались верными на все времена. Его открытие лишь совершенствуется, обрастает оговорками и разъяснениями, оставаясь актуальным и по сей день.

Итак, Солон. Он родился в знатной, но обедневшей семье. История его рода уходила в глубокую древность. Возможно, его предки были старейшинами. Ведь в афинском обществе рубежа VII–VI веков до н. э. царит родовой строй, государство только рождается. И знатность рода определялась еще не принадлежностью к королевской фамилии, к графам и герцогам. Афинская знать состояла из представителей известных, чем-то прославившихся в прежние века, родов. Общество только-только делало шаг в цивилизацию – у афинян уже была письменность, появлялось искусство. И рождалась система управления. Мучительное время!

В обществе царили законы Драконта, или Дракона, так звали архонта из старейшин (отсюда и название – драконовские законы). Они отличались редкой свирепостью и однообразием – за каждую самую незначительную провинность, например, кражу луковицы на рынке, полагалась смерть. Убийство тоже каралось смертью. Согласно античному анекдоту, когда Драконта спросили, почему его законы столь жестоки, он ответил: «Я считаю, что смерть – достойное наказание за мелкое преступление. А за крупное я не мог придумать ничего другого».

Во времена Солон происходило расслоение общества, появились крайние полюса богатства и бедности. Большинство граждан разорялось до такой степени, что под заклад нечего было отдать – последней отдавалась земля. В этом случае был обычай ставить на этом земельном наделе камень, на котором указывались сумма долга и срок его возврата. Если долг вовремя не возвращался, человек расплачивался собственной свободой. Так в афинском сообществе свободных граждан появляются рабы, кого-то даже продают за море, в Малую Азию.

Любопытно, что население Аттики было автохтонным, то есть коренным. Оно проживало здесь издревле. Примерно в XIII–XI веках до н. э. так называемые дорийцы поглотили раннюю цивилизацию на Балканском полуострове. Аттика не была завоевана пришельцами, потому что богатой не была. И вот сложилась уникальная ситуация – прямые потомки ахейцев, необычайно этим гордившиеся, оказались рабами в собственной стране...

С ухудшением ситуации народ все более приходил в возбуждение. Жизнь становилась страшной и беспокойной. И вот тут возникает Солон. Об истории его появления повествует легенда, но я думаю, в ней есть зерно истины. Афины терпят позорное поражение в войне с соседним городом Мегарами за остров Саламин. И старейшины, чтобы не возбуждать волнений среди граждан, запретили упоминать само слово Саламин под страхом смерти.

А надо сказать, что поднимать вопросы на животрепещущую тему мог любой гражданин Афин, придя на площадь и обратившись к собранию жителей. Традиции родоплеменной жизни были тогда еще очень сильны. И вот однажды утром на рыночную площадь выбегает Солон. Он молод, привлекателен и известен как поэт. Он ведет себя как безумец. Бессвязные слова, ужимки и прыжки, наконец, шапочка на голове, что не было принято в жаркой стране, – все указывало на то, что он и хотел подчеркнуть: его разум помутился. Что случилось? В чем дело? Что произошло с юношей? Уже собирается небольшая группка людей. Когда его наконец плотно окружила толпа, он вдруг бросил шутовскую маску и прочел нараспев патетические стихи собственного сочинения: «На Саламин поспешайте, сразимся за остров желанный, чтобы

скорее с себя тяжкий позор этот снять». Конечно, он имеет в виду позор военного поражения. Его речь мгновенно вызвала отклик людей – они одобрительно кричат «ура!». Это был поступок «не мальчика, но мужа». История о том, как Солон пел на площади о Саламине (предположительно, в древности принято было петь стихи и поэмы), передавалась из поколения в поколение на протяжении многих веков.

Его не казнили за нарушение запрета старейшин, а дали право командовать. Далее в источниках – полулегендарные рассказы о том, как под его руководством с помощью военной хитрости афиняне отбили остров Саламин. Солон приказал переодеть молодых юношей-воинов в женские платья, а затем направил их к вражескому городу. Жители Мегар, увидав девушек, решили, что с ними надо познакомиться, а то и овладеть ими.

Причины такого интереса к слабому полу понятны: в древности женщин не хватало, в мирное время женская смертность была значительно выше мужской. И простодушные жители из Мегар устремились вперед. Тогда переодетые воины выхватили мечи и перебили этих наивных и совершенно неготовых к бою людей.

Мы достоверно знаем, что Солон был поэтом. Его стихи охотно цитировал Аристотель в своем знаменитом сочинении «Афинская полития». Трактат, найденный в конце XIX века, содержит мысли философа об идеальном управлении и организации государства. В этой связи Аристотель очень подробно говорит о Солоне и его поэтическом даре. Этим двух незаурядных людей разделяло около двухсот лет, и стихи Солона помнили – ведь поэтов было немного.

Бесспорно и еще одно обстоятельство – он был необыкновенно артистичен. И в то же время отличался детской непосредственностью. В любое время он готов был на шутку, проделку, хитрость, на смелый выпад и иронию. Смелость, находчивость и, безусловно, ум – для старта его карьеры именно эти качества оказались чрезвычайно важны. Авторитет Солона рос постепенно. При завоевании Саламина он показал себя как военачальник и государственный деятель, который отстаивает интересы своего народа. Очень скоро он проявит и свою мудрость.

После того как Солон избрали архонтом, народ ждал от него умиротворения, и он его принес, но не так, как ожидали. Думали, что все случится чудесным образом: сегодня избрали, завтра – спокойная, безбедная жизнь. Народ вообще более склонен верить чудесам и рассчитывать на них, чем предпринимать реальные усилия. А Солон хотел всерьез и надолго ввести рычаги взаимодействия людей и общества. Он еще больше расширил полномочия народного собрания. Законы Солон, одобренные гражданами, вырезались на деревянных таблицах и выставлялись на всеобщее обозрение. Люди в то время уже умели не только читать, но и писать, что свидетельствовало, как совершенно правильно отмечают антиковеды, о довольно высоком уровне развития культуры в целом. Для непросвещенного крестьянства, уткнувшегося в надел, бесполезно устанавливать таблицы с законами. Кстати, они простояли довольно долго, несколько веков. В одной из комедий времени поздней античности о них говорится следующее: «Ну что на этих таблицах? Там можно только овес сушить». На закате античной цивилизации они окончательно разрушились, а вместе с ними законодательная система, созданная Солоном. Она – увы! – оказалась невечной и небезупречной.

Главная его реформа, она называлась «сисахфия» (буквально – «страхивание бремени»), означала отмену долгов за землю и уничтожение долгового рабства. Более того, были возвращены на родину сограждане, проданные в рабство в Малую Азию, за море. За них вносило выкуп государство. И долговые камни исчезли с земельных наделов. Таким образом утвердился главный принцип античной политической жизни: жители Аттики – свободные люди. Рабство осталось, но рабами могли быть только чужеземцы. Известна фраза, которая приписывается Солону: «Все греки должны быть равны, свободны, и у каждого должно быть не меньше пяти рабов». Эти слова точно отражают социальные воззрения той эпохи. Существовал мир свободных людей, пользовавшихся всеми гражданскими правами, и мир рабов, которые воспринимались низшими существами. На них не сердятся, не обижаются. Еще Гомер задолго до

Солона так обмолвился о положении раба: «Вот участь такая досталась». Значит, такова воля богов. И она не подвергается обсуждению.

Женщины не имели никаких политических прав, они жили на женской половине, не участвовали в разговорах и делах мужчин, вели закрытую, семейную жизнь. В Спарте им дали чуть-чуть больше вольности и то только потому, что они рожают воинов, что вызывало у спартанцев уважение и трепет. Но Спарта – другая страна, с другим политическим устройством.

Коренное население Аттики, получив свободу, образовало гражданскую общину, которую потом стали называть полисом. Отныне граждане Афин стали делиться на разряды, которые определялись размерами имущества, а точнее – объемом продукта, произведенного в хозяйстве. Это сразу вызвало недовольство у наиболее знатной части населения – эвпатридов. Им было выгоднее, если бы ценз, определяющий полноту участия в общественной жизни полиса, устанавливался по размерам земли или по знатности рода. Вводимый же Солоном ценз не зависел от размера участка – участок мог быть небольшим, но, если хозяйство работало интенсивно, его собственник оказывался в большем выигрыше, чем владелец большего участка, но работающего с меньшей интенсивностью. Масло, вино и зерно – все, что производят афиняне, измерялось мерами, медимнами. В результате получились следующие разряды для граждан: высший составляли «пентакосиомедимны» – пятисотмерники, в их хозяйстве производилось 500 мер продукта ежегодно. Хозяйство всадников давало 300 мер, зевгитов – 200 и фетов – меньше 200. В соответствии с имущественным положением формировалось и войско. Каждый человек должен был лично участвовать в его создании. Военская служба была обязанностью жителя полиса, его гражданским долгом.

Представители высшего класса отправлялись на войну в полном вооружении, всадники – непременно с конем, зевгиты должны были иметь копье и меч. Фетам предписывалось просто явиться к месту сбора ополчения. Ясно, что у них не было денег ни на вооружение, ни на коня, но само их присутствие в войске было необходимо.

Солон прекрасно понимал: чтобы его законы работали, действовали, необходим принцип выборности, как мы бы сейчас сказали, необходима прозрачность власти. И он значительно расширяет права народного собрания, создает совет четырехсот, или булле, предоставив ему немалые полномочия. Это был суд присяжных на выборной основе. Солон добился принятия закона, который назывался «атимия» (буквальный перевод – «лишение чести»). За неучастие в политической жизни человек лишался – частично или в полной мере – гражданских прав. Правитель был уверен, что жители Афин не могут быть инертными и безразличными, когда речь идет об их собственном благополучии и о процветании родины. И закон заставлял быть активным.

Солон был строг. Ему казалось, что он нашел если не идеальный, то оптимальный механизм, который позволяет людям вместе решать насущные вопросы, жить в мире и согласии, любить родину и защищать ее, если ей угрожает опасность. Сейчас, глядя из нашего «далека», мы видим, что он был мудрец, мудрость в нем сочеталась с даром политика. И еще она уживалась с идеализмом, он был идеалист-романтик.

Но... он же придумал остракизм – голосование посредством подсчета голосов на черепках (от слова «остракон» – черепок). Если возникало подозрение, что демократия находится под угрозой, тут же собиралось народное собрание, и афинские граждане писали на черепке имя возмутителя спокойствия. Так из Афин был изгнан Фемистокл, величайший патриот и победитель битвы при Саламине в Греко-персидских войнах. Правда, это случилось много позже после Солона.

Интересно, что археологи нашли черепок, на котором было написано «Фемистокл». Его имя нацарапала рука малограмотного человека, нацарапала коряво, неумело. В данном случае демократия обернулась своей отрицательной стороной – необразованный человек изгнал из

Афин величайшего патриота! И Фемистокл уехал в Персию и там, когда персы попытались заставить его воевать против Греции, принял яд.

Люди науки зачастую на вопрос о том, как прошла защита диссертации, отвечают: «Бросили пару черных шаров». Это выражение оттуда, из Афин времен Солона. Тогда голосование осуществлялось с помощью бобов или камешков. Светлые или целые – «за», темные или просверленные – «против». Очевидно, механизм был настолько тщательно продуман и так отлаженно работал, что и по сей день мы пользуемся им.

И тогда выдающиеся умы понимали значение и чрезвычайную важность законов Солона. Вот что писал Аристотель о нем: «Народ рассчитывал, что он произведет передел всего». Народ хотел коммунизма, сказали бы мы сегодня. Тогда, на заре цивилизаций, об опасности и тщетности этих желаний не могли знать. «А знатные, – пишет дальше Аристотель, – думали, что он вернет прежний порядок или только немного его изменит». Естественно, стремления и желания демоса и эвпатридов противоположны. Что же Солон? Он воспротивился тем и другим. Отчаянный человек! «И хотя имел возможность, вступив в соглашение с любой партией, достичь тирании, – ему предлагали: «правь единолично», – предпочел навлечь на себя ненависть тех и других, но зато спасти Отечество и дать наилучшие законы», – заканчивает философ.

Аристотель не был поклонником демократии. Зная, как развивались события уже после правления Солона, Аристотель считал ее порочной формой организации общества. Более того, он полагал, что демократия обязательно вырождается в так называемую «охлократию» – власть черни, толпы. Умен, умен был Аристотель! Но в поисках идеального он тоже не преуспел и идеала не нашел.

Законы Солона касались самых разных сторон жизни. Многие из них сегодня нам кажутся жестокими, странными, но не будем забывать, что мы имеем дело с мышлением человека Древнего мира. Например, им был издан закон, по которому сын мог не кормить престарелого отца, если тот не выучил его в свое время ремеслу. Солон считал, что отец не просто должен заботиться о том, как накормить и одеть своего наследника, но и как обеспечить ему достойную жизнь в будущем. И если в суде сын докажет, что отец его содержал, но не обучал, то он освобождался от всех обязательств перед родителем. Это кажется слишком жестоким и несправедливым. Тогда, однако, этот закон действовал.

В его правление были приняты занятные законодательные акты, сегодня вызывающие улыбку. Объявив войну роскоши – ведь грекам изначально была присуща простота в быту, – он издал закон, запрещающий женщинам тратить слишком много денег на наряды. Одежда должна быть скромной и не привлекать внимания, был уверен он. Можно себе представить, как встретили это постановление женщины! Но первое время и оно исполнялось. Но со временем закон начали обходить. В истории Древнего Рима законы против роскоши, которые издавались Октавианом и Августом, оказались такими же бесполезными – к столу римлян все равно подавали соловьиные язычки. При Солоне предпринимается попытка создать общество свободных и гордых этим людей. Свобода состояла не в отсутствии законов, наоборот – в строгом следовании им.

Неожиданно Солон решает уехать из любимых Афин на десять лет. Известно, что он взял со своих сограждан клятву не менять законы до его возвращения. Что же заставило его покинуть любимый город? Древние авторы пишут, что ему так докучали бесконечными сетованиями – это в его законах не так, то надо исправить, – что жизни ему не стало. Все были недовольны. Солон пишет в одной из элегий: «Трудно в великих делах сразу же всем угодить, я принужденье с законом сочетал. Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда злобным взором провожают, словно я их злейший враг». Ему стало плохо в Афинах. Есть версия-предположение, что его изгнали из родного города.

Началось его знаменитое путешествие на Восток, которое, конечно, обросло легендами. Он был в Египте, а также в Лидии – небольшом царстве на западном побережье Малой Азии. Ее правители, и в том числе царь Крез, славились несметными богатствами. С древности и до наших дней известно выражение «богат как Крез». Вскоре это царство будет завоевано жестоким Киром, создателем великой Персидской державы. Кир взял Креза в плен, приказал сжечь его на костре, что было для древних времен делом обычным, и пришел посмотреть, как будут выполнять его приказание. И вдруг из пламени разгорающегося костра он услышал крик Креза: «О Солон, как ты был прав!» Кир был заинтригован: почему этот правитель, которого ограбили, подожгли столицу его государства – Сарды, в минуту страшных мучений вспомнил о Солоне? «А ну-ка, костер раскидать... В чем дело?» – спросил он своего противника. И Крез, как повествует легенда, изложенная в трудах Плутарха и Геродота, рассказал о своей встрече с Солоном.

Слава Солона бежала впереди него, его ждали во дворце Креза. Наконец он появился – пешком, в скромной греческой одежде, и перед первым же слугой, который встретил его у ворот, бросился ниц. Тот испугался, поднял великого мудреца: «Что ты, что ты?» Солон спросил: «А ты не Крез?» «Нет, – отвечал тот, – я недостойный слуга моего великого царя». «А, ну тогда пошли дальше». И так гость обманывался еще несколько раз. Наконец его ввели в торжественный зал, где восседал Крез в роскошных одеждах. Солон вошел, с достоинством поклонился царю. Тот для начала поинтересовался: «А что же ты все время путал меня со слугами?» «Прости, но они так роскошно одеты, что я каждый раз думал, что это царь, – отвечал гость. – У нас в Греции величие в другом». Тогда Крез решил показать ему свою сокровищницу. О ней ходили легенды; те немногие, кто видел ее, лишались рассудка. Теперь Крез ждал реакции Солона, предвкушал ее, потирая руки. Солон взглянул на сокровища, воротился к царю, поклонился ему и на вопрос, заданный не без намека: «Кого из людей ты считаешь счастливейшим?» – ответил: «Царь, после всего что я видел, считаю счастливейшим афинянина Телла».

Пусть фантазия подскажет, что же было с этим великим восточным правителем, получившим столь странный ответ. Кто такой афинянин Телл? Может быть, это великий герой, победивший в десятках сражений, может быть, великан? Солон отвечал: «Этот человек жил в Афинах во время расцвета этого города, питался плодами рук своих, был счастлив в семье и умер, сражаясь за родину». «Кто же самый счастливый после Телла?» – спрашивает пораженный Кир. «Его сыновья, – говорит Солон – они были жрецами Геры в городе Аргосе». Кир спросил: «А эти что? Тоже сражались за родину?» «Нет, – отвечал Солон, – тут другая история». Сыновья Телла совершили подвиг ради своей матери – сами вместо быков, волокли тяжелейшую колесницу к святилищу богини Геры, чтобы она не прогневалась на любимый город. Они отдали все свои силы – молодые и прекрасные атлеты рухнули как подкошенные. Народ восхищался ими, пел, кричал. Люди древности вообще были страшно эмоциональны. Их мать, жрица Геры – богиня капризной, строгой, как мы знаем из мифологии, – упала на колени перед алтарем и попросила наградить своих сыновей. И богиня наградила: уставшие, они заснули и больше не проснулись, умерли во сне в счастливейший миг своей жизни».

Нервы Креза не выдержали, и он прямо спросил: «А меня, меня ты считаешь счастливым?» Солон был мудрецом и потому ответил так: «Боги не дали нам знать границ нашей жизни. Объявлять счастливым человека еще живущего – все равно что провозглашать победителем сражающегося воина». И на том уехал. И вот, спустя много лет, объятый пламенем костра, Крез вскричал: «О, Солон!» Кричал ли он так или нет, мы не знаем точно, так рассказывают древние историки. Мы знаем другое. Крез, приговоренный Киром к сожжению, был помилован. Впоследствии он стал советником Кира на долгие времена. И возможно, их связала та правда жизни, о которой поведал Крезу Солон.

А потом Солон вернулся в Афины. Вернулся, и все было так, как должно быть в жизни – сложно. Затевались смуты, противники его законов бились с его сторонниками. Он пытался

участвовать в общественной жизни, но не очень успешно. Сказать, что Солон стал непререкаемым авторитетом нельзя, потому что он не был тираном, не окружал себя холуями. Однажды, будучи уже в преклонном возрасте, он встал с мечом на пути тех, кто хотел нарушить его законы. Наивно и трогательно!

Несмотря на смуты, тиранию Писистрата, ее свержение, повторное восстановление демократия продолжала жить. В V веке до н. э. при Перикле в течение лет пятнадцати она достигла почти эталона и представляла собой отлично работающий механизм управления государством. До конца своей жизни Солон жил в Афинах. Там царствовал тиран Писистрат, который, как ни удивительно, относился к бывшему правителю с уважением. Однако друзья Солона, опасаясь за его жизнь, неоднократно просили его уехать, но он не соглашался. Афины были его родиной, и он был их великим гражданином.

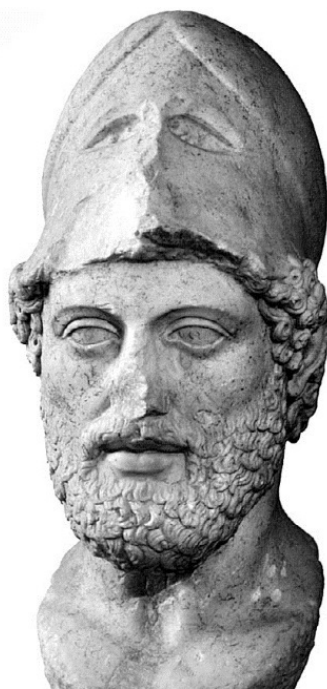
Перикл. Стратег, великий реформатор

Когда у Ксантиппа, видного политического деятеля, полководца, в 490 году до н. э. родился сын Перикл, всех удивила форма черепа младенца – яйцеобразная, вытянутая, с выступающим затылком. Окружающие восприняли это как знак, как некое предзнаменование, указание на особую судьбу. Так оно и случилось.

Интересно, что даже в школьных учебниках можно найти выражения типа «Перикл, афинский царь», «время правления Перикла». Он не был царем. В Афинах V века до н. э. было демократическое правление. Его власть была властью авторитета. Это были короткие годы – в политической жизни он участвовал на протяжении 40 лет, а реально держал бразды правления 15 лет.

Он был стратегом, одним из коллегии десяти стратегов, то есть полководцем. Но дело не в этом, его любил народ, и любовь и преданность были таковы, что толпа шла за ним, не спрашивая куда, восторженно воспринимая каждое его слово, подчас не понимая, о чем он говорит. Такова была природа его власти, мощь его авторитета.

О Перикле существует масса так называемых античных анекдотов – коротких историй, которые точно передают отношение народа к нему. Вот одна из таких историй. У известного и уважаемого в Греции человека, борца, победителя Олимпийских игр, не без иронии спрашивают: «Скажи, кто сильнее, ты или Перикл?» И он совершенно серьезно отвечает: «Конечно, Перикл. Я могу положить его на обе лопатки, прижать к земле. Он обратится к народному собранию, и оно примет постановление, что победил Перикл».

Герма с изображением головы Перикла.

Римская копия с греческого оригинала. Фото репродукции

Перикл был совершенно выдающимся оратором. И в той системе власти, которая сложилась в это время в Афинах – противостоящей насилию, диктату, любым попыткам царствовать, властвовать, ораторское искусство было, в сущности, почти универсальным ключом к решению любых вопросов. Замечу сразу, что жизнь Перикла была трагична, но самым трагич-

ным моментом, мне кажется, был момент, когда он не смог своим словом защитить любимую Аспазию, гражданскую жену, видимо напрасно оклеветанную: юридически брак между ними не был оформлен, потому что она была иностранка, не из Афин. Он так был потрясен тем, что его несравненный ораторский талант не способен ему помочь, что разрыдался на глазах у огромной толпы. И толпа дрогнула и пощадила его подругу, женщину умную и талантливую.

Мы очень меняемся. Меняемся мы, изменяется жизнь вокруг нас, становится другим наше отношение к истории и к ее персонажам. В юности мгновенно откликаешься на самые светлые образы и события прошлого. Перикл для меня всегда был светлой личностью. Он не изменял своим взглядам, своим принципам, даже ради политического маневра, не отступал даже тогда, когда ошибался.

И как подметил замечательный дореволюционный профессор Адольф Шмидт, который написал книгу о Перикле, совсем немного людей заслужили такой чести, чтобы их именем называли эпоху: среди них – Людовик XIV, Медичи, Август. И Перикл. Ученый делает вывод: когда общественное сознание называет эпоху именем какого-то человека, оно ценит отнюдь не военные победы, хотя это может показаться странным. Нет века Наполеона, нет века Александра Македонского, великого создателя мировой империи. Когда в историю входит понятие «век такого-то», имеется в виду время духовного взлета. И это странно. Ведь людей с духовными запросами всегда мало. А разве толпа может оценить заслуги неординарных личностей? Ан нет! С понятием «век» в историю входят творцы, которые оставили след в театральном искусстве, литературе, архитектуре... Наш Серебряный век или Золотой – это время великого напряжения духовных сил, создания шедевров, новой точки отсчета в возможностях человека. Чрезвычайно важное время, время-веха. Говорят «время Толстого», кто правил в это время – не важно, об этом могут не помнить, не знать. Кто дает эти обозначения-лицензии? Мы никогда не узнаем – тем они ценнее.

Вернемся к Периклу. Сын аристократа становится народным вождем, демократом. В это время в Афинах вожди народа назывались демагогами. Разумеется, в этом слове тогда не было ничего бранного, наоборот, оно имело вполне положительную окраску. И Перикл стал демагогом. Демос, народ, предпочитал, чтобы их вождями были люди не из народа, а аристократы. Люди образованные, хорошо себя проявившие, видные и явно сочувствующие народу, – они пеклись о его интересах, не забывали о праздниках, торжествах.

Перикл верил, видимо, в прекрасный смысл народного правления. Но и издержки его, думаю, прекрасно видел, именно они и стали причиной трагедии его жизни.

Век Перикла называли золотым веком. Почему? Успешный политик, любимец народа, полководец, не терпевший поражений. Великий реформатор, реформы которого состоялись, прижились. Лишь в конце жизни он допустил стратегическую ошибку, предложив во время войны Афин со Спартой всем укрыться в Афинах, а там началась эпидемия. Но управлять эпидемиями не могут даже выдающиеся полководцы.

Он обустроил Афины, при нем был построен Парфенон, ворота-пропилеи, длинные стены из гавани Пирей в Афины.

Но в его биографии были и другие факты. В зрелом возрасте я вижу их. Его личная жизнь трагична. Он жил между двумя грандиозными войнами – Греко-персидскими, в которых маленькая Греция каким-то чудом – Гумилев сказал бы благодаря «пассионарности» – смогла противостоять такой махине, как персы, выстоять и победить. Войны начались около 500 года до н. э., Перикл не мог принимать в них участие. Но это была страшная война. Персия поглотила на Востоке все. Исчезали целые царства, исчезали как по мановению злого волшебника. До сих пор историки недоумевают, как это могло произойти. Ассирия, которую боялись все, сначала была разгромлена Вавилоном, и страшное имя правителя Ашурбанипала сменилось на не менее страшное – Навуходоносор. А затем пал и Вавилон. Последний правитель Вавилона Валтасар, спрятавшийся во дворце, видит начертанные на стене слова: «Мене,

текел, упарсин» («сосчитано, взвешено, разделено»). Это был конец. Исчезло Лидийское царство, исчезло государство Урарту, еще раньше растворились в истории хетты. Все поглощено персами. И вот теперь персы подступили вплотную к маленькой Греции. Греки себя отстояли чудом. Надолго ли? Они надеялись, что надолго. Но мы-то уже знаем, что нет. Им предстояло покориться Македонии.

Вторая война, которая прошла по жизни Перикла, – это война внутри Греции, война почти гражданская, война греков против греков. Два лидера воевали друг против друга: Афины против Спарты, а остальные греческие города-государства, полисы, сгруппировались вокруг них.

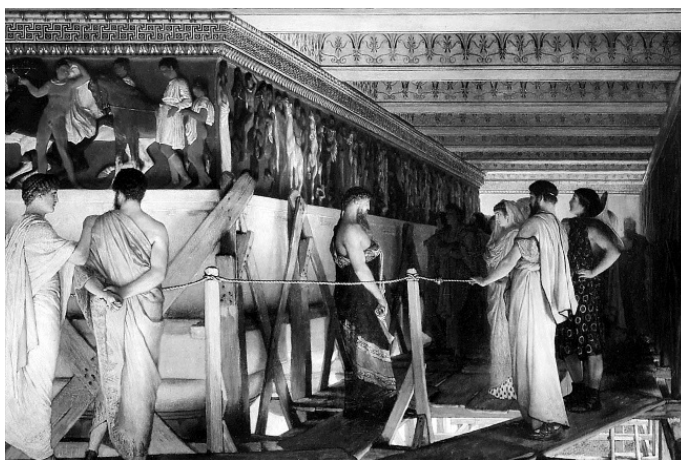
Что же они делают? Все: экономические интересы, владычество на море, лидерство политическое. В Афинах демонстративно правит демократия, здесь уверены, что народ может все. Например, известнейший человек Мильтиад, победитель в Марафонском сражении, за незначительный проступок отправлен в тюрьму.

Совсем не так в Спарте, где гражданский коллектив был самодостаточным. Но процветание Афин не давало покоя спартанцам, зависть разъедала их жизнь.

Война закончится в 404 году до н. э. Но Перикл умрет в самом ее начале – в 429 году. Один из авторов книги о Перикле написал, что он умер вовремя. И – увы – это верно сказано, иначе его и без того трагическая жизнь завершилась бы просто отчаянно. Он умер в тот момент, когда Афины были близки к страшному, невероятному поражению.

Какова была частная жизнь Перикла? У него была жена, с которой он разошелся. Имя ее никто не знает, видимо, она ему была совершенно неинтересна, и это было обоюдно. Их развели быстро – в Афинах, этой демократической стране, развод был очень легким. Она тут же вышла замуж за другого, а Перикла его молодой, двадцатилетний друг Сократ познакомил с Аспазией. Аспазия стала его гражданской женой. Это была на редкость умная, прекрасно образованная женщина, резко выделяющаяся из среды афинских домохозяек. При всей демократичности афинской жизни положение женщины было сугубо домашним, я бы даже сказала, затворническим. Выходить из дома, даже куда-то рядом, например на рынок, она могла только в сопровождении служанки или своих домашних. И никакого участия в общественной жизни она не принимала, полных гражданских прав не имела. Демократия Афин, надо признаться, была весьма ограничена – она не распространялась на рабов, на иноплеменников – тех, кто не родился в Афинах.

И Перикл, сам Перикл предложил принять закон, согласно которому гражданином считался только рожденный от двух жителей Афин. Только эти граждане имели полные права.

Лоуренс Альма-Тадема. Фидий показывает друзьям, в том числе Периклу и Аспазии, Парфенонский фриз. 1868 г.

Фото репродукции

Аспазия была другой. Она родилась в Милете, городе, основанном греками на побережье Малой Азии. Но дело, конечно, было не в этом. Она была иной по структуре своей личности. Женщина-философ, женщина-оратор. Злые языки потом придумали, когда стали злиться на Перикла, что это она пишет ему прекрасные речи. Разумеется, это было неправдой, но злобная выходка говорит о том, насколько блестяще говорила и писала Аспазия.

Периклу, как и Сократу, было интересно ее общество. Они спорили, говорили, обсуждали самые разные проблемы и события. В их доме бывали выдающиеся люди – философы, художники. И тогда, и сейчас ее называли куртизанкой. Но есть версия, что она была гетерой.

Гетера – образованная светская дама, умеющая развлекать. Она могла составить компанию любому – будь то мужчина или женщина. Образованность Аспазии, ее обхождение, манеры, умение свободно разговаривать с мужчинами в век, когда этого делать было нельзя, вольно или невольно подтверждают эту версию. Но в те времена это не было ни позорным, ни экстраординарным явлением. Гетеры, а не обычные забитые домохозяйки, составляли общество умным мужчинам.

От первой жены у Перикла было два сына, Ксантипп и Порал, но духовной близости с отцом у них, особенно у Ксантиппа, не было. Ксантипп дурно отзывался об отце, рассказывал всякие гадости о его жизни с Аспазией. Но главная беда была не в этом – оба сына умерли во время эпидемии. У него не осталось потомства. Но вскоре Аспазия родила ему сына. Его назвали Перикл-младший. И это тоже говорит об их преданности друг другу, о большой любви. Не дал бы он свое имя, будь это ребенок от случайной женщины. Но Перикл-младший, согласно закону, предложенному его отцом и принятому благодаря ему, не имел гражданских прав. Вот еще одна трагедия – сын знаменитого Перикла оказался бесправен в Афинах.

Не все было ладно и с другими близкими ему людьми. Итак, два сына от первого брака умерли. Отец Перикла, тоже Ксантипп, победитель персов в битве при мысе Микале, подвергнут остракизму и изгнан из Афин. Жена Аспазия со временем обвинена врагами в сводничестве. Друг Фидий, гениальный скульптор, которому предъявили обвинение в святотатстве, умер в тюрьме. Предположительно, он был отравлен. Перикл готовил его побег, но опоздал. Великий учитель Перикла философ Анаксагор обвинен, его ждала участь Фидия, но правитель Афин успел устроить ему побег из города. Анаксагор спасся, но стал эмигрантом.

Перикл-младший спустя много лет после смерти отца предстанет перед судом. Его обвиняли в том, что в одном из сражений в Пелопоннесской войне он не помог спастись морякам, которых разбросала буря. В результате его приговорили к смерти.

Хорошо, что Перикл-старший не знал об этом. Многие ему лучше было бы не знать. Он внес выдающийся вклад в развитие той самой демократии, которая явилась острым, опасным, страшным оружием, особенно в руках толпы. История это не раз доказывала.

Ну что же он, в сущности, сделал? Все его законодательные инициативы – почти все – сначала встречали непонимание, а потом проходили на ура. Авторитет Перикла был огромный, невероятный, его официально называли первым стратегом. Он смело ограничил власть архонтов. И это в самом начале карьеры. Кто такие архонты? Прямые продолжатели старейшин при родовом строе, авторитетнейшие люди. Их власть воспринималась как священная, как дарованная им богами. Постепенно, шаг за шагом, закон за законом, он оставил архонтам лишь чисто символические функции.

С великим трудом он ввел оплату за исполнение должностей в системе демократических учреждений, чтобы бедные граждане могли избираться, то есть ввел плату за госслужбу. Ареопагу, совету старейшин, он оставил в ведении только религиозные вопросы, реальной политической власти совет лишился. Он ввел должность номофилаков. Кто такие номофилаки? Семь человек, которые на один год избираются для контроля за судом и исполнением законов. О малейших нарушениях они докладывают собранию.

Это Перикл ввел знаменитый принцип «графэ параномон» – любой закон может быть оспорен гражданином. Достаточно было сказать: «Проверьте его еще раз. Я считаю его опасным для демократии». И тотчас создавалась комиссия, закон тщательно изучался, перепроверялся, привлекались эксперты. Это был механизм сопротивления деспотизму.

Личные качества Перикла с его политикой сочетались великолепно. Он блестяще образован, кроме этого – музыкант, оратор. Как полководец, всегда щадил солдат. Все это вызывало к Периклу огромную симпатию. Опять-таки его учителем был Анаксагор, человек совершенно необычайных познаний, намного опередивший научные представления своей эпохи.

Фрагмент фриза Парфенона.

V в. до н. э. Фото репродукции

На чем же споткнулся Перикл? На деньгах... Дело в том, что благоустройство Афин стоило, конечно, огромных средств. Возведение знаменитых длинных стен между гаванью Пирей и Афинами, этого защитного сооружения для безопасности города, было делом очень дорогим и трудным. Театр Одеон для музыкальных и поэтических состязаний тоже обошелся недешево. Но главное – он настаивал на обязательном посещении театра афинянами, бедным давали билеты бесплатно. Платила в этом случае казна, и эти деньги назывались зрелищными. Потому что театр в древности был школой для взрослых, как радио и телевидение для нас сегодняшних. При Перикле было установлено 60 праздничных дней в году. Это много. Афины празднуют, Афины ликуют, Афины поют. На этих праздниках беднякам раздают бесплатно хлеб, а иногда и что-то повкуснее.

Как украшен Акрополь? На скале – созданная самой природой гигантская трибуна. И на этой скале поставлен трудами Иктина и Калликрата совершенно выдающийся храм Парфенон. «Парфенон» – значит храм богини Афины-девы, покровительницы города. А украсил Парфенон великолепными скульптурами гений и друг Перикла, Фидий.

Персидский копьеносец.
Мозаичный рельеф из дворца персидских царей в Сузах.
До 500 г. до н. э. Фото репродукции

Тот, кто был в Греции и видел Парфенон, даже сейчас, спустя два с лишним тысячелетия после его возведения, знает, что он производит впечатление ошеломляющее. Можно представить, как действовало на людей это величественное произведение архитектуры и искусства тогда. Внутри Парфенона скульптура Афины Парфенос, исполненная в особой технике: слоновая кость, золото, серебро, все доспехи в золоте и серебре. Все это потребовало больших средств.

Надо напомнить, что в то время существовал Афинский морской союз, куда с целью совместной обороны входили дружественные Афинам государства. Государства вносили в казну союза деньги, предназначенные для военных целей. Из этой-то казны и взял Перикл деньги для создания Парфенона, объяснив, что величие и красота Афин будут лучшей защитой горожанам, будут спланивать и собирать вокруг себя другие города. И еще две скульптуры поставил на Акрополе Фидий – Афины Промехос, что значит «Воительница», и Афины Лемния. На создание этих гениальных произведений искусства дали деньги колонисты, которые уезжали из Афин на Лемнос.

Однако известно, что завистливы не только люди, но и боги. Сначала Фидия обвинили в том, что он присвоил себе часть золота и серебра, предназначенные для украшения скульптуры Афины. Обвинение, сделанное по доносу его ученика, оказалось лживым. Доспехи Афины были съемными, их удалось взвесить. Тогда ученик-провокатор обвинил Фидия в святотатстве, ибо на щите одного из воинов в сцене сражения были обнаружены изображения Перикла и самого скульптора. И за это Фидий был брошен в тюрьму, где и умер.

В Афинах растет недовольство, зреет, как огромный нарыв. Недовольны союзники: почему все только Афинам? Почему только Афины так прекрасны? Недовольна аристократия: деньги текут мимо них.

В большой мере Перикл споткнулся на том, что был фанатично уверен, будто величие Афин – это бесспорная необходимость и радость для всех. Он споткнулся еще в одном – не мог представить, как переменчив и неверен народ, для которого он так старался.

Есть одна чудесная притча о выдержке и терпении Перикла в общении с народом. Рано утром на главной площади к нему подошел человек из самых простых, плохо, грубо говорящий, наверное, не знающий букв. И обратился к правителю с просьбой. Перикл выслушал и сказал, что помочь ему не может. Тогда тот – частичка толпы – начал громогласно поносить Перикла самыми погаными словами. Перикл не реагировал. Шел туда, куда ему надо, – хулигатель за ним. Делал то, что мог, – хулигатель дожидался, снова шел за ним. Так продолжалось весь день. Вечером, когда уже смеркалось, Перикл подошел к дому, простолюдин плелся за ним по улице и, почти охрипнув, продолжал предавать его анафеме. И все плохое, что мог сказать, сказал. Перикл вошел в дом и закрыл дверь. «Ага! – закричал хулигатель. – Спрятался!» Дверь раскрылась, вышел раб с факелом и сказал: «Темнеет. Господин приказал мне проводить тебя до дома». Древним нравились рассказы о терпении Перикла. Но в конце его жизни они были готовы его растерзать.

До него подвергли остракизму и изгнали из Афин Мильтиада, победителя при Марафоне, Фемистокла, победителя при Саламине, Ксантиппа, победителя при Микале, Аристида, не раз приводившего греков к победам. Некоторые со временем вернулись, кто-то умер в изгнании, как, например, Фемистокл, который буквально спас Афины от персов.

А Перикл? Любовь к нему таяла, однажды его не переизбрали стратегом и наложили штраф, штраф огромный. Как блюститель законов, он выплатил положенную сумму и смиренно и спокойно воспринял свою отставку. Надо сказать, что на следующий год он снова выдвинул свою кандидатуру, и толпа избрала его в стратеги. Но уже ненадолго. Он умер от чумы, став одной из последних ее жертв – эпидемия уже шла на убыль.

Золотой век Перикла, век необычайного духовного подъема, возможен был только при отсутствии тирании. И он делал все возможное, чтобы она не настала.

Александр Македонский. Мир идей ученика Аристотеля

Александр Македонский жил в IV веке до н. э., умер молодым, в 33 года. Он завоевал почти весь тогдашний мир и навсегда остался в истории человечества. Если собрать все книги о нем, получится гигантская библиотека. О нем начали писать еще при его жизни, писали в начале новой эры, особенно римские авторы, которые очень увлекались историей царствования Александра. Много сочинений об Александре было создано в Западной Европе в эпоху Средневековья, которая создала свой, особый портрет этого правителя. В это время на Востоке сложился совсем другой его образ – Искандера Двурогого, грозного и гуманного, идеального государя. Интересно, что в Западной Европе католическая церковь постепенно отредактировала образ Александра до неузнаваемости, она приватизировала его, как и всю духовную жизнь общества, и часто упоминала его в проповедях как пример дерзости, противной Богу.

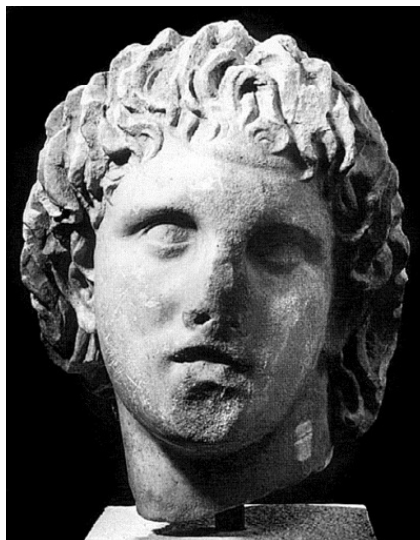
О нем пишут и сегодня, выходят великолепные монографии, популярные книги – кажется, исследованы все грани его жизни. Но тема не исчерпана. Интересно понять, что подвигло его на завоевания? Зачем ему, 18-летнему юноше, понадобился целый мир? В чем феномен Александра Македонского? Ведь многие говорят о нем как об удачливом и дерзком вояке-рубаче, о счастливчике и бонвиване. Действительно ли он двинулся на Восток, толкаемый инстинктом завоевания?

Думаю, что это не так. Он был человек для своей эпохи, безусловно, очень умный и весьма образованный. И он пошел на Восток с определенной целью. Ну какая, скажете вы, цель могла быть у столь молодого человека? Общая для всех жителей Македонии... Македония – это небольшой клочок земли на северо-востоке Греции. О чем тут можно говорить? И тем не менее люди этой маленькой горной пастушеской страны были одержимы мыслью стать греками, подлинными эллинами. Правящий дом Македонии, Аргеады, выводил свое происхождение прямо от Геракла. Они хотели считаться такими же цивилизованными, как греки Афин. В своих представлениях они были больше эллинами, чем сами эллины, но только об этом никто не знал, кроме них самих! И пусть об этом узнает весь мир.

Сегодня мы бы сказали, что это комплекс неполноценности, которым страдают жители небольших государств. Возможно, нечто подобное ощущала Германия после Версальского мира, хотя она отнюдь не была маленькой страной. Но чувство унижения, обделенности на празднике жизни, второсортности, которое возникает, когда сильные мира сего не замечают, не приглашают, проходят мимо, – это опасное чувство. Об этом в свое время очень талантливо писали Артур Миллер и Курцио Малапарте. Но ведь далеко не со всеми странами так происходит! Да и так ли это было с Македонией? Трудно сказать. Известно только, что мечта стать великой державой у нее была. А один из ее граждан стал ею одержим.

Некто Александр I, правитель из дома Аргеадов, в середине V века до н. э. принял участие в Олимпийских играх. На этом основании он и вся его семья получили право называться эллинами. Предшественники Александра, Архелай и его отец, очень настойчиво приглашали ко двору самых видных мыслителей, интеллектуалов Древней Греции. Среди прочих был приглашен Сократ. Было известно, что его в Афинах преследуют, и, возможно, он не был бы отравлен, прими он приглашение македонского двора. Приглашение получил Платон, который вместо себя прислал своего ученика. Зачем этим «варварам» все это было надо? Для того, чтобы стать эллинами. А став ими, объединить всех.

Греция представляла собой отдельные полисы-города или общины-государства. Афиняне, спартанцы, коринфяне спорят, ссорятся, воюют между собой. Но между тем в них живет идея панэллинизма – все мы эллины, все должны быть вместе, и тогда только мы будем самыми сильными. Эта идея, по мнению Александра Македонского, вполне годилась для того, чтобы стать объединяющей и сплотить народ.

Голова Александра Македонского.
IV в. до н. э. Фото репродукции

Но он пошел в своих представлениях дальше. Мы – самые цивилизованные, самые образованные, самые культурные – так считал и говорил Александр, и, безусловно, это было верно для этой части света. Ну а раз мы самые-самые, значит, мы имеем право, имеем основание обращаться с другими народами как с варварами. И не просто обращаться, а освещать их своим светом, приобщать к нему – словом, завоевывать.

Слышится что-то знакомое, не так ли? Вечные, как мир, идеи. Александр взялся осуществить их. Интересно, что его учитель, величайший ученый и философ Аристотель, наставлял его перед походом такими словами: «Обращайся с греками как царь, а с варварами как тиран». Мы имеем право владычествовать над остальным миром, потому что мы умнее, лучше и значит – научим, навязав свой образ жизни, свою культуру, свою власть. Мы несем всем необразованным народам, дикарям свет знаний! Так думал Александр. Как видим, нет ничего нового в истории.

Можно предположить, что именно с такими идеями Александр Македонский отправился завоевывать мир. У его программы завоеваний был еще один аспект – отомстить варварам в лице персов за Греко-персидские войны, за попытку примерно полтора столетия назад завоевать Грецию. «Поход отмщения» – это уже система взглядов, некая идеология. И в начале своего великого похода Александр следует поставленным задачам – несет народам свет знаний, просвещает их и... мстит.

Поход – на редкость тяжелый, мучительный. Бегло перечислю некоторые его вехи. Царем он становится в 336 году до н. э. В 335 году завершает покорение Греции, которое начал еще его отец. И вот они как будто бы говорят: «Мы греки, мы все совсем греки». В 334 году в знаменитой битве при Гранике его ближайший друг и соратник Клит заслонил его своим телом. Александр мог погибнуть, и тогда мировая история сильно бы изменилась. Поразительно, но именно этого человека, своего спасителя, Александр собственноручно убьет на пиру.

В 333 году произошло сражение при Иссе – покорены Сирия и Малая Азия. В следующем году добровольно сдался Египет. В 331 году в оазисе Сива жрецы объявили Александра богом. Тогда же произошла величайшая битва при Гавгамелах. Правитель Персидской державы царь Дарий III бежал. Александр был уверен – Персия лежит у его ног. Ему предстоит еще много воевать, а пока он провозглашен Зевсом-Амоном, и египетским богом, и греческим.

М. И. Пучинов. Встреча Александра Македонского с Диогеном.
XVIII в. Фото репродукции

Но, увы, все не так, как говорится и провозглашается. В 330 году до н. э. беспощадно уничтожен, сожжен культурнейший город Персеполь, знаменитая столица великой Персидской державы. В этом явственно звучит идея отмщения. Но где же тот свет культуры, образования, который они собирались нести?

В этом же году величайший греческий скульптор Лисипп увековечивает Александра в мраморе. Что-то происходит с этим молодым, умным, очень талантливым и образованным человеком... В его ближайшем окружении зреют один за другим заговоры против него. Остановись, опомнись, куда идешь, что творишь? И начинаются казни... Уже упомянутое убийство Клита в 328 году в глубинах Азии. Крепко выпив, Клит сказал то, о чем думали многие, и он в том числе. Он сказал, что Александр изменился, стал деспотом, причем деспотом восточного типа, имея в виду его требование ввести при дворе восточную манеру падать ниц перед правителем. Немного позже его ближайшие сподвижники – офицеры, полководцы, друзья юности, пажы, гетайры, все заметнейшие и знатнейшие люди, и среди них Птолемей, Нearch, наконец, главный любимец Гефестион, в один голос сказали: нет, македонцы падать ниц ни перед кем не станут.

Прежде чем двигаться дальше, постараемся ответить на один из главных вопросов – кто такие македонцы? Откуда происходят? Есть несколько версий происхождения этого народа. По одной из них, прямой связи этноса, населявшего Македонию, с греками нет. И скорее всего народ этот представляет собой некую этническую смесь иллирийцев, фракийцев и эллинов. Кто-то из зарубежных современных авторов, по-моему, довольно точно сказал, что их можно считать деревенскими родичами эллинов.

Кто такие солдаты Александра? В основном это пастухи, в меньшей степени земледельцы, поскольку это горная страна, люди простые, живущие очень скромно. И вдруг они оказываются на Востоке. Быт греков, не говоря уже о македонцах, не идет ни в какое сравнение с восточной безумной роскошью. Тут и сокровища, и золото рекой, и драгоценные камни. Конечно, глаза загорелись, голова закружилась, и мысль, что можно вот так, в одночасье разбогатеть стала навязчивой. Тем не менее именно эти солдаты, возмущенные поведением Александра, поддержат заговорщиков. У них своя гордость, и деньги тут ни при чем.

Эти люди, привыкшие в своей жизни, полной опасностей и напряженных трудов, рассчитывать только на себя, выработали в себе такие качества, как независимость, свободолюбие, прямодушие, особую силу характера. Все эти качества делают из них хороших воинов, но не слуг – в услужение не пойдут, умирать будут, холоуями не станут, поддакивать, даже ради спасения жизни, не смогут. Горцы – у них своя гордость.

Происхождение Александра Македонского многое объясняет в его поведении. Одно удивляет: как человек, так великолепно образованный, умный, по-своему прогрессивный, может стать тираном. Своей образованностью он в большой мере обязан своему воспитателю Аристотелю. Это был один из крупнейших мыслителей древности, и происходил он из рода Асклепиев. Род этот был в некоторой степени связан с македонским двором – его отец служил придворным медиком в Пелле, столице Македонии, и Аристотеля тоже пригласили в Пеллу. Он принял приглашение. И как говорят, с большой охотой и интересом стал заниматься с талантливым юношей. Известно, что Аристотель составил для юного Александра сборник Гомера. И не впустую. С тех пор «Илиада» всегда лежала вместе с кинжалом в изголовье царя, до последних его дней. Он знал ее наизусть и часто на дипломатических приемах, встречаясь с правителями мира, читал на память большие отрывки из нее. Он прекрасно знал Геродота, хотя не во всем ему верил. И понятно почему. Он сам проверял сведения этого античного историка – шел по землям, которые Геродот описывал по рассказам других.

Аристотель возбудил в нем интерес к Софоклу, Эсхилу, Еврипиду, он привил ему свою страсть к наблюдениям за живой природой. Аристотель написал прекрасную книгу о мире животных и растений. Александр знал ее почти наизусть и в свой поход – завоевательный, военный – взял целую группу ученых, которые времени зря не теряли. Через много-много столетий Наполеон Бонапарт, подобно Александру, возьмет ученых в свой египетский поход, что станет отправной точкой в развитии науки египтологии. Но Наполеон ученых не казнил и в клетке за собой не возил, он защищал их.

С Александром случилась другая история. Каллисфен, историк, племянник Аристотеля, был посажен Александром Македонским в клетку. Он рос вместе с Александром, они дружили с подросткового возраста. И Каллисфен описывал поход довольно верноподданнически. Он воспевал Александра как бога, он искренне любил Александра с детства. Он одобрял уничтожение Персеполя, пытался оправдать убийство Клите, объясняя это какой-то вспышкой страсти, случайностью. Но Александр заподозрил его в участии в заговоре пажей, возмущенных превращением царя в восточного деспота. И хотя это было только предположение, Каллисфен был арестован, схвачен, посажен в железную клетку, которую Александр возил за собой. В ней Каллисфен и умер, как было записано, «по болезни». И несмотря на это, Аристотель переписывался с царем до конца своих дней. Хотя во многом они уже были друг с другом не согласны, Александр регулярно давал Аристотелю деньги на науку.

В своем походе полководец пытался еще заниматься тем, чему его учил Аристотель, – составлять лекарства, в частности против укусов змей (на Востоке это было весьма актуально) и вместе с врачами лечил своих друзей. При его штабе появился отряд биматистов, по-русски можно сказать шагомеров. Ими были атлеты, в том числе победители Олимпийских игр. Они шагами измеряли территории, по которым двигалась великая армия. Результаты их измерений тщательно записывались в придворный журнал, ставший впоследствии бесценным источником для историков и географов следующих поколений. Кроме того, в этом отряде проводили описание местностей, составлялись карты, в сущности, велась научная работа своего времени. Поход Александра Македонского был своеобразной научной экспедицией.

Он поощрял деятельность своего друга гетайра Неарха, командовавшего флотом, который одним из первых занялся составлением карт береговых линий. Несколько утрируя, можно сказать, что корабль Неарха стал одним из ранних исследовательских судов. Его описания тоже оказались очень важными для науки. Получалось, что попутно с просветительской миссией

и отмщением Александр решал в походе еще и научные задачи, хотя вряд ли осознавал это. Вернее сказать – эти задачи вписались в тот огромный круг проблем, которые по ходу дела возникали перед Александром Македонским.

После Персеполя идея отмщения была исчерпана. Более того, ему она стала неинтересна. И вот почему. Греческие полисы опросили своих граждан: готовы ли вы признать Александра богом? Все, и в первую очередь жители демократических Афин, согнулись в поклонах: «О, да, да, да!» Куда делась эллинская гордость? Неизвестно. Лучше всего ответили спартанцы: «Если Александр хочет быть богом, пусть будет». А если он бог, у него должна быть особая, божья воля, отличная от человеческой, воля, с помощью которой он осуществляет свою великую миссию, божественный замысел.

Очевидно, мысли, подобные этим, подтолкнули его к осуществлению совершенно новых идей, которых не могло быть в начале великого восточного похода.

Изображение Александра Македонского на саркофаге из Сидона, названного «Саркофагом Александра».

Последняя четверть IV в. до н. э. Фото репродукции

Я совершенно убеждена, что он никогда не стал бы столь великой фигурой в человеческой истории, в истории мировых цивилизаций, не возмись он за осуществление идеи совершенно безумной и абстрактной. Вот что писал об этом древний грек Плутарх во II веке н. э., через 500 лет после всех этих событий, конечно, несколько приукрашивая и преувеличивая: «Александр стремился населить всю землю и превратить всех людей в граждан одного государства. Если бы великий бог, ниспославший Александра на землю, не призвал бы его к себе так быстро, то в будущем для всех живущих на земле, был бы один закон, одно право, одна власть. Будучи уверенным, что он ниспослан небом для примирения всех живущих на земле, он заставлял всех пить из одной чаши дружбы. Он перемешал нравы, обычаи, уклады народов и призвал всех считать своей родиной всю землю». А дальше Плутарх, видимо, делится своим собственным размышлением: «Все честные люди должны чувствовать себя родственниками, а злых они исключают из своего круга». Вот этих последних слов Плутарха Александру приписывать никак нельзя – гуманистом он не был, и это факт безусловный.

В самом начале своего правления, как только он был провозглашен царем, Александр немедленно разослал отряд гетайров для истребления своих родственников, которые могли быть претендентами на престол. Но это еще не все. У него было два сводных брата. Это были дети Филиппа II от предыдущих браков. Один по счастью для себя оказался слабоумным, а второй – вполне вменяемым, за что и был беспощадно убит. Была казнена следующая после Олимпиады, матери Александра, жена Филиппа – Клеопатра. Александр распорядился покон-

чить и с ее дочерью – молодой, красивой женщиной. Над ней издевались изощренно: принесли кинжал и яд – на выбор. Она повесилась. Ее маленькая дочь была убита тоже.

Александр любил женщин, у него было три жены, гарем. В Бактрии он женился на красавице Роксане. Затем в Сузах он женился сразу на двух женщинах – на Статире, старшей дочери персидского царя Дария, и на Парисатиде из дома Артаксеркса III. И везде были дети. Как видим, мирской жизни он был не чужд, хоть и считался богом.

Итак, к чему же он пришел в размышлениях о целях своего похода и его задачах? Отбросив концепцию панэллинизма, а вернее, забыв о ней, но помня о том, что он бог, и очевидно, совершенно искренне в это веря, Александр пришел к идее абсолютно утопической, но глобальной и по его разумению божественной, единственно достойной бога – идее соединения миров. Но каких? За долгие годы похода он понял, что европейский мир, европейская цивилизация и великая цивилизация Востока – миры совершенно разные. После всего увиденного ему, в сущности, неловко стало называть персов варварами. Восток с его великолепными городами, роскошными дворцами и садами, яркими шумными базарами и умиротворяющей музыкой, с мудрыми философами и знаменитыми учеными был прекрасен. И конечно, знойные, обворожительные женщины! Восток манил к себе, беспокоил воображение и будоражил сознание.

И Александр пришел к космической идее, очевидно, вечной, во всяком случае, живущей и по сей день, спустя тысячелетия: о сближении внутренне чуждых и враждебных друг другу Востока и Запада. То, что он совершил, завоевав былую Персидскую державу, дойдя до Индии и форсировав Инд, то есть завоевав почти весь тогдашний цивилизованный мир, требовало осмысления – как с ним быть дальше? Он решил примирить эти миры во что бы то ни стало. Известно, что его замысел провалился. Известно также, что держава распалась, буквально на следующий день после его смерти. Почти 40 лет диадохи, его преемники, делили между собой все завоеванные земли. Что из этого получилось, тоже известно. Но был замысел. И за ним стоят какие-то вечные идеалы. Взаимное сближение и отталкивание Востока и Запада будут ощущаться в эпоху Крестовых походов – в Новое и Новейшее время, конечно, сегодня. Как жить Востоку и Западу, не уничтожая друг друга? Вот на этот трудный вопрос и попытался ответить Александр Македонский, человек древнего времени.

Историки называют цивилизации древности и средневековья патриархальными, традиционными. Люди тогда мыслили образами и действовали подчас очень наивно. Верх этой наивности – знаменитые бракосочетания в Сузах. Март 324 года до н. э., за год до смерти Александра. Армия под давлением уставших солдат уже повернула назад и с великими трудностями возвращалась из Индии. И несмотря на это, в самом сердце былой Персидской державы, в Сузах, он устраивает фантастическую феерию – десять тысяч воинов-македонцев из армии Александра женятся на женщинах государств Востока – Персиды, Бактрии, Мидии, Парфии, Согдианы. 89 ближайших сподвижников Александра, в том числе Неарх, Селевк, Кратер, Гепестион, вступают в брак (сам Александр берет в жены сразу двух женщин). Они вступают в брак, конечно, с принцессами. Замечу сразу, что, когда умрет Александр и начнет распадаться великая империя, 88 гетайров откажутся от жен из Суз, и только один, Селевк, сохранит свой брак. И кстати, Селевк будет достаточно успешен как правитель одной из частей великой державы Александра, династия Селевкидов продержится достаточно долго. Видимо, этот человек склонен был к некоторой стабильности.

Зачем устраивались эти почти шутовские пышные свадьбы? Блажь? Вовсе нет. Александр хотел смешать кровь, создать единую расу. Об этом он и пишет в своих дневниках, ценнейшем источнике, которым пользовались все древние авторы, и в его письмах матери, царице Олимпиаде. Он мечтал о том времени, когда рожденные в этих десяти тысячах браках дети вырастут и станут людьми нового поколения. В своих прожектах он делал на них главную ставку. И не без основания. В походе многих солдат сопровождали восточные женщины. Маке-

донский мечтал узаконить их связь, дать право их потомству называться законными наследниками. Многие воины были смущены – в Македонии у них оставались семьи. Но когда они узнавали, сколь щедро царь платит, какое «приданое» он дает за ними, они тут же с этой идеей примирялись.

Смешение рас – идея поистине глобальная. И по сей день, уверена в этом, в этносах многих-многих народов есть следы этого смешения. Затея Александра все-таки оставила след в истории.

Александру ничего не мешало, он ощущал себя богом и умирать не собирался, он готовил очередной поход – хотел завоевать Аравию, затем пройти по северу Африки, мимо Карфагена до Геркулесовых столбов. Это с одной стороны. С другой – он намеревался строить державу, продвигая ее границы на восток.

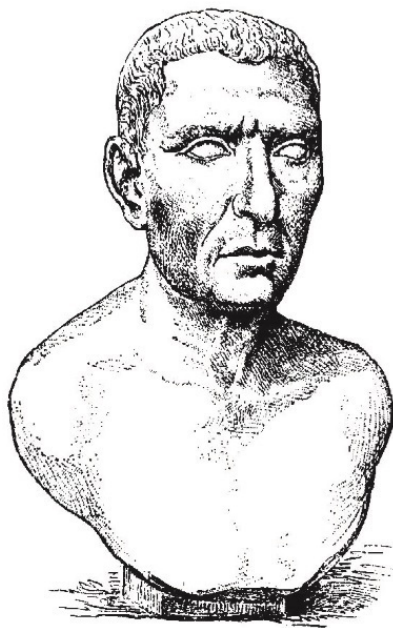
Его смерть таинственна – без конца будут спорить, отравили его или нет. У историков имеются факты: на пиру, выпив очередное огромное количество вина, он схватился за живот и со стоном упал. Типичное отравление, говорят одни. Если бы это было отравление, говорят другие, он умер бы мгновенно, потому что яды медленного действия тогда еще не были открыты, а он после этого жил еще тринадцать дней, сопротивляясь невероятно, не веря, что его дни сочтены, несколько раз объявляя, что «через сутки отправляемся в Аравийский поход». Но, хоть он и считал себя богом, своей собственной жизнью он уже не распоряжался. Он скончался в Вавилоне в 323 году.

Приведем в завершение античный анекдот. Едва вступив на престол, Александр захотел встретиться с Диогеном. Это было в Коринфе, многие пришли к царю на поклон, но не Диоген. И тогда Александр сам пошел посмотреть на Диогена. Тот сидел около своей бочки на солнышке. Александр спросил: «Проси что хочешь, все сделаю для тебя». И Диоген попросил: «Посторонись немного, не заслоняй мне солнце». Александр засмеялся и сказал: «Клянусь Зевсом, если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном». Они умерли в один год.

Цицерон. Слово может многое...

Марк Туллий Цицерон известен как оратор, блестящий оратор, способный говорить многие часы, буквально завораживая людей. Его страстные речи и сегодня поражают эмоциональностью и темпераментом. Он – автор многих афоризмов, а на самом деле – случайно брошенных фраз, ставших афоризмами. И в наше время, спустя более две тысячи лет, мы повторяем за ним: «бумага все стерпит», «жить – значит мыслить». Он – создатель классического латинского языка, той чеканной звенящей латыни, ряды поклонников которой не редуют и сегодня. Ему принадлежат многие труды – «О старости», «Об обязанностях», «О дружбе». Трактаты Цицерона, этого римлянина-язычника, оказали огромное влияние на Отцов христианской церкви. Так, у него учился Иероним, живший на рубеже IV–V веков. Он цитировал сочинения Цицерона, многое просто заимствовал у него для своих трактатов о христианстве. Блаженный Августин, сформулировавший основные постулаты христианства в своей средневековой версии, писал, что труды Цицерона подтолкнули его к тому, чтобы оставить все земное. Сам-то Марк Туллий все земное оставить не смог, что его и сгубило. Уж очень земной был! Как подметили специалисты, когда очередное изгнание отрывало его от политики, он начинал писать труды общеполитического, теоретического характера, книги, которые на многие века пережили своего автора.

Совершенно особым почитателем Цицерона был Петрарка. Это было время Раннего Возрождения, когда интерес к античности был огромен. Из XIV века Петрарка писал Цицерону письма как живому – случай в истории нечастый. Именно Петрарка внес большую лепту в сохранение памяти о Цицероне, отыскав ряд его сочинений. И в частности, его переписку с другом Аттиком – пожалуй, одну из самых ярких страниц в эпистолярном наследии человечества. Переписка с Аттиком – это целая жизнь, больше – целая эпоха, изложенная на бумаге. С юношеских лет до почти последнего дня Цицерон писал ему. Аттик – человек особый. Он купил землю в северной Греции, в Эпире, наладил там хозяйство и жил «в глухой провинции у моря. И от Цезаря подальше, и от вьюги». Он пребывал вдали от бурь политических, которые и сгубили Цицерона. Кстати, Аттик зарабатывал на Цицероне: редактировал и издавал его труды, пользовавшиеся огромным спросом.

Цицерон

На протяжении веков Цицерону давали диаметрально противоположные оценки: от «пустого болтуна» до «великого гения-интеллекта в дни революции». Но ни одна из них не была абсолютно исчерпывающей. Он такой разный, такой многоликий, такой не отчетливо выраженный, его портрет нельзя рисовать одной краской. На мой взгляд, одна из самых взвешенных книг о Цицероне – это книга нашего соотечественника, историка Сергея Львовича Утченко «Цицерон и его время». При вполне научном содержании она ярко написана и прекрасно читается.

В серии «Жизнь замечательных людей» вышли две книги о Цицероне. И издатели спокойны: Цицерон будет раскуплен.

Что же за человек Марк Туллий Цицерон, какой след он оставил в истории? В чем смысл, значение его личности?

Посетил он сей мир в минуты поистине роковые. Рим времен Цицерона – это I век до н. э., время диктатуры Цезаря, его свержения и убийства. Общество, прекрасно отлаженное, вдруг содрогнулось как от землетрясения. Стены трещат, лопаются, потолок того и гляди рухнет. В чем причина? Республика, которая несколько веков казалась идеальной и устойчивой формой правления, себя же сгубила. Потому что Рим к этому времени представлял собой огромную мировую империю. А механизмы управления остаются республиканскими. Власть делят между собой народное собрание и сенат – наследник древнего совета старейшин. Вся жизнь кипит в городе Риме, а на границах Республики в 90 году до н. э. вспыхивает так называемая Союзническая война: население всех областей Италии требует всей полноты политических прав наравне с жителями великого города. Что уж говорить о других провинциях – Азии, Африке и прочих! В этой странной, как о ней говорят, войне побежденный получил то, к чему он стремился, – римское гражданство. Рим победил в военном отношении, но тут же дал населению права граждан, потому что жить так было уже невозможно.

Отныне жители Италии (италики) стали гражданами, однако, восстания не прекратились. В подавлении одного из них участвовал, между прочим, Цицерон. А дальние пределы Римского государства – это, в сущности, неуправляемая стихия. В воздухе носится идея: необходима сильная центральная власть. Идея, абсолютно естественная для Древнего Востока, была чужда античности. Однако жить по-прежнему становилось невозможно, политическая лихорадка только нарастала. Маленький, клокочущий город, который совсем недавно был тесным миром, где все знали друг друга, содрогается от внутренних противоречий. Ясно, что ему не устоять. И вот эта ситуация приобретает удивительный оборот! Я в этом вижу что-то мистическое – не всегда на вызовы времени так отвечает социум, как в Риме этой эпохи. Эпоха нуждалась в сильных, мощных, ярких, умных личностях. И они появились: гениальный Цезарь, полководец и политик; пламенный вояка Антоний; Клавдий – народный трибун и вождь, который отлично умел вести за собой массы. И наконец, хитромудрый Цицерон, которому ничего не стоило назвать белое черным и наоборот.

Конечно, в этом сказался опыт республиканской деятельности, наработанный в течение нескольких веков. Этот опыт «наработал» таких людей. Среди них – Цицерон.

Марк Туллий Цицерон родился в 106 году до н. э. в поместье близ маленького городка Арпин. Оттуда же родом был Марий, один из гигантов той эпохи, который считался рьяным поборником демократии, убежденным республиканцем. Цицерону на роду было написано идти по стопам Мария, защищать народ, римский демос. Он с этого и начинал. Семья его была зажиточная, всадническая, но не аристократическая. Его предки носили плебейское прозвище «Чицero» («цицero» – сорт гороха). Прадед Цицерона был крестьянин и занимался огородничеством. Впоследствии Цицерон скажет о себе: «Я от соли земли». В семье был хороший достаток, что позволило ему получить классическое образование – эллинское, как тогда говорили, или греческое. Языки, философия, логика, юриспруденция и риторика – таково было обычное, традиционное для аристократической семьи образование.

В это время риторика пользовалась особенно большим успехом, что весьма естественно для античного общества. Греки дали несколько примеров ярчайшего ораторского искусства. Два с лишним века назад им в совершенстве владел Демосфен. Потом появились его последователи, учителя риторики, которые развивали это искусство. Один из них практиковал в Риме и так рьяно доказывал, что любой тезис можно обратить в антитезис, что римские власти сочли это безнравственным и попросили его удалиться. Цицерон тоже изучал это искусство.

Как и положено римскому гражданину, год он провел на военной службе. Ему довелось сражаться с восставшими марсиями (одно из италийских племен), служить адъютантом при командующем, которым в ту пору был отец Помпея Великого. Тогда же Цицерон понял: военного таланта у него нет. А для римлянина это вообще-то трагично. Потому что делать карьеру, минуя меч, было делом довольно трудным. И главным образом выдвигались те, кто владели и мечом, и хитростью, и богатством. У него нет ни особого богатства, ни таланта к военному делу. Хитрость феноменальная у него есть, но он еще сам об этом не знает. Он начинает практиковать как адвокат. На этом поприще и раскрываются его таланты.

Напомню – идет гражданская война, и потому очень многие уголовные дела, например о растратах наместника, становятся политическими. С них он и начал. В возрасте двадцати семи лет Цицерон впервые был замечен на публичной арене как адвокат. Он выступил по делу, за которое никто не хотел браться – взялся защищать некоего Росция, против которого выдвинул обвинения любимец диктатора Суллы Хризагон! Этот поступок, безусловно, был мужественным. Диктатор Сулла, злодей Сулла – так его называют сами римляне, казнил всех неугодных, а неугодным мог быть любой человек, особенно богатый, владевший имуществом, которое непременно конфисковывалось. В этой ситуации совершенно невинному человеку грозила смерть, если бы за дело не взялся Марк Туллий. Взялся и победил. Цицерон остался жив и невредим, потому что сразу бежал, к тому же он не стал еще заметным публичным человеком. Его попросту не заметили, как маленькую горошину. Бежал он в Афины, тогдашний, можно сказать, Париж, центр духовной культуры Европы. Как явствует из писем Цицерона, ему довелось побывать в садах Платона, у гробницы Перикла, на Фалонском берегу, где Демосфен упражнялся в красноречии. Это первое добровольное изгнание он провел совсем неплохо и вернулся в Рим только после смерти Суллы. И тут начинается восхождение Цицерона, которое он к тому времени уже хорошо продумал.

Он начинает традиционно: получил должность квестора на один год. Кто такой квестор? Образно говоря, хозяйственник, которому в управление дается какая-то область. Ему дали западную Сицилию, которой он управлял разумно и честно. Он не был замечен в лихоимстве и тем заслужил очень хорошее отношение к себе населения. Долгое время сицилийцы будут присылать ему подарки.

В 70 году до н. э. он выступил на процессе некоего Верреса, бывшего наместника Сицилии, на которого пожаловались жители этого острова. Конечно, не случайно они избрали в обвинители Цицерона. Он так блестяще описал нечистого на руку правителя, что Веррес был приговорен к изгнанию, имущество его было конфисковано. Таким образом, с должностью квестора Цицерон хорошо справился.

Следующий этап – 76 год: Цицерон получил должность эдила. Кто такой эдил? Он следит за порядком в городе и организует праздники, без которых не может жить Рим. Цицерон провел три праздника за свой счет – к тому времени он уже разбогател, хотя и раньше не был нищим. Получив хлеб от благодарных сицилийцев, он отдает его бесплатно римскому народу. Цицерон думал о карьере, и потому на следующую высокую ступеньку – претора – он избран был, как пишут его современники, кликами народа, его просто выкрикнули и возвели в должность претора. Он популярен – борется с коррупцией, раздает бесплатно хлеб!

После этого дорога к высшей должности была открыта, в 63 году он становится консулом. Это, бесспорно, его величайший взлет.

Винченцо Фоппа. Молодой Цицерон за чтением.
XV в. Фото репродукции

Будучи консулом, оратор и юрист Марк Туллий Цицерон прославился своей знаменитой борьбой против заговора Катилины. Интереснейшая история! Был ли заговор? Да, был. Сергей Катилина был человеком аристократического происхождения, умным, циничным. Ему принадлежит такая мысль: «Римское государство состоит из двух организмов: один слабый, со слабой головой – сенат, другой – сильный, но совсем без головы». Как все догадались, это народ. В сущности, Катилина хочет одного – власти. Поначалу он идет к ней теми же законными путями, что и Цицерон, – по должностям, через избрание. У него не получается, мешает конкуренция. Тогда он готовит заговор. Во времена поздней Римской республики заговоров было много. Однако Цицерон благодаря своему таланту оратора так раздул масштабы этого заговора, так цветисто обрисовал личность Катилины, что дело это осталось в веках. Выступая в сенате, Цицерон представил свершившимися фактами слухи о том, что Катилина убил родного брата, вступил в связь со своей дочерью и совершил насилие над весталкой (так называлась жрица богини Весты). Весталки, как известно, давали обет безбрачия и высоко чтились в Риме. К тому же она была сестрой жены Цицерона. Было насилие или не было, тоже точно не известно. Но Цицерон произнес знаменитые четыре речи против Катилины, и они вошли в века, став классикой ораторского искусства. Знаменитую фразу из первой речи «*Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?*» («Доколе же ты будешь, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?») знает каждый первокурсник истфака. В русском переводе она звучит значительно проще и обыденнее. А ведь Цицерон непременно учитывал фонетические особенности языка. Знаменитую повелительную фразу «*Purga urbem. Purga urbem*» Цицерон произносит несколько раз и рокошет этим звуком «г-г-г»: «Очисти город, очисти город». Это похоже на раскаты грома, на страшную угрозу. Когда он говорит о злодействах Катилины, вымышленных, подлинных, он подбирает побольше шипящих, чтобы его речь свистела, шипела, как змея. Это талантливо и убедительно. Заговорщики схвачены, вершится быстрый суд, Цицерон выходит к народу в доспехах (что было, конечно, позой, какой он вояка, было известно) и говорит о необходимости казнить этих людей немедленно. Их ведут в тюрьму и казнят без утверждения приговора народным собранием, что было грубым нарушением тех самых республиканских основ, за которые он так боролся. Ведь лишить жизни римского гражданина можно было только по решению народного собрания.

После приведения приговора в исполнение Цицерон сам выходит к народу и говорит лишь одно очень емкое слово: «*Vixerunt*» (буквально «Прожили»). Кто он? Спаситель Республики. Он так запугал своими речами сенаторов, что казнь вызвала всеобщий восторг. Сена-

торы и народ несут его на руках до самого дома, восхваляют, славят. Это как раз то, что ему было нужно. Все замечательно, и жизнь прекрасна! А ведь, в общем-то, с заговора Катилины начинается его путь к гибели.

Катилинариям втайне сочувствовал молодой Гай Юлий Цезарь. Он еще не успел стать видным политическим деятелем, и потому его не устраивало, что Республика так беспощадно рубит головы тех, кто желает взять власть в свои руки. Ни Помпею, ни Крассу, которые вместе с Юлием Цезарем создадут в 60 году первый триумвират, союз сильных, не нужна была такая непримиримая борьба за республиканские идеалы, тем более – борьба с серьезными нарушениями. И Цицерону приходится снова бежать, снова писать труды...

Внешне все пристойно. Он выполнил свой долг, заслужил триумф, но... понял, что надо спасать свою жизнь.

Надо сказать немного о его частной жизни, а она у него была очень непростая и не очень удачная. Его первая жена Теренция затевала бесконечные ссоры. Ее мотовство стало причиной их раздора. Он уличил ее в хищении денег и доказал ее вину с помощью управляющих. И это после тридцати лет супружества... Уже были внуки.

Он женился на девочке, на девочке Публии, которая считалась его воспитанницей и была младше его дочери. В Риме, погрязшем в разврате, никто не отменял официальную мораль. И потому его поступок сочли некрасивым. Правда, довольно быстро он поневоле восстановил свою репутацию. Когда его дочь Туллия, которую он обожал, умерла от неудачных родов, Публия не скрывала своей радости. И тут Цицерон очнулся. Он навсегда отказался видеть ее. Более они не встречались.

Наверное, душой отдыхал он в письмах к Аттику и тогда, когда писал трактаты – «О душе», «Об обязанностях». Он много писал о совести, размышлял о ней. За ним были и грехи, и грешки, и, наконец, им владела сильная страсть – безмерное, не утихающее к старости властолюбие.

Первый триумвират завершается диктатурой Цезаря. Цицерону она сулит плохие перспективы. Ведь Цезарь был против казни катилинариев. Испугавшись, Цицерон опять бежит. Но жить вдали от Рима он долго не мог. Тогда он прибывает в Брундизий, главный порт Римской республики на восточном побережье Италии, и там ожидает приезда Цезаря. Он решает покаяться и вновь предложить услуги. Ждет долго. Целый год.

Античные авторы, сначала Саллюстий, потом Плутарх, так живо рисуют сцену их встречи, что, наверное, она была в действительности. Цицерон шел впереди всех встречающих, преодолевая свой страх. Он решил: будь что будет. Цезаря несли в носилках. Издали увидев, что к нему идет Цицерон, он спустился, вышел из носилок, пошел ему навстречу, затем обнял, и они долго о чем-то разговаривали. Беглец был прощен. Цезарь с его снисходительностью действительно больше его не трогал.

Это было так характерно для Цезаря – не горячиться, не впадать в мстительность. У него вообще было редкое качество для политика – милосердие, умение прощать... Уникальный был человек! За что «уникально» был зарезан людьми из своего ближайшего окружения. Многие считали, что Цицерон не был участником заговора, что Брут и Кассий его даже не посвящали в свои планы, так как боялись, что проболтается. Но косвенно Цицерона с его постоянными речами против тирании можно считать вдохновителем этого злодеяния. Убийству Цезаря он безумно радовался. Никогда не надо так поступать... А тогда в Брундизии он был счастлив, его простили!

В Риме он снова оказался в центре политических событий. Цицерон разрывается между Помпеем и Цезарем, старается их примирить, в итоге оказывается на стороне Помпея. Когда тот терпит сокрушительное военное поражение, Цицерон удирает из лагеря. Его прямо называют предателем и трусом. После Фарсалы для Цицерона все было кончено. Он начал бояться всех! Его метания и страх были обоснованы: он ввязался в самое пекло. У него не было мощ-

ного меча в руках, не было войска и богатства, и при этом он умел сильно раззадорить и обидеть.

Цицерон произносит речь против Катилины. Фреска виллы Мадама в Риме. 1882–1888 гг. Фото репродукции

После смерти Цезаря Марк Антоний, близкий Цезарю человек, разыграл такую скорбь, такое горе! Он бился за свою власть. Против него-то, против Антония, Цицерон и произнес свои последние знаменитые речи – филиппики. Их было четырнадцать.

Почему «филиппики»? В IV веке до н. э. так называли речи Демосфена, пытавшегося силой слова остановить захват Греции царем Македонии Филиппом. Речи не помогли, Греция покорилась отцу Александра Македонского. Филиппики Цицерона были пространные, длинные. Речи записывались в сенате, затем в них вносились дополнения. Друг Цицерона Атик их публиковал. Антоний предстал в этих речах трусом, лжецом, неумным правителем. Такое не могло пройти безнаказанным.

Когда в 43 году до н. э. главные политические лидеры Антоний и Октавиан примирились и заключили союз, начинаются новые репрессии. В список приговоренных попадает Цицерон.

Он немолод, конечно, устал и сделал неверную ставку. Все близкие люди умоляют Цицерона бежать. Его несут на носилках к берегу моря, к кораблю, готовому к отплытию. Но Цицерон колеблется. То садится в лодку, то поворачивает обратно к берегу. Обнаружив, что захватил с собой мало денег, он отправляет в Рим своего родного брата Марка. Марк зверски убит. И тут преследователи настигают Цицерона, он смотрит им в глаза, надеясь, что взглядом их остановит. Конечно, не остановил и был убит. Отсеченные рука и голова Цицерона отправлены в Рим к Антонию. И тут в Антонии проявляются просто зверские качества. Он приказывает приколотить голову и руку Цицерона к рострам на Форуме, недалеко от того места, где его противник произносил свои речи. Неистов был Антоний. Но и его ожидал трагический конец.

Есть легенда, что жена Антония поставила отсеченную голову Цицерона на свой обеденный стол и иголкой колола язык, который поносил ее мужа.

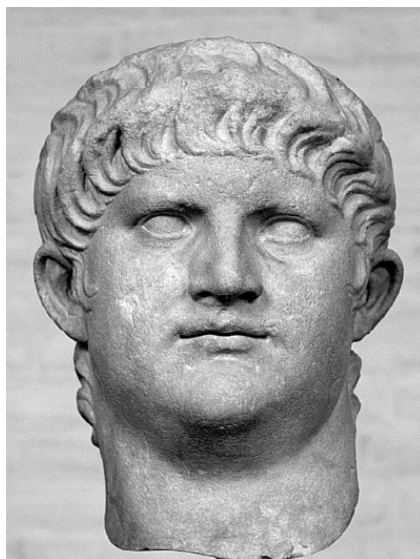
Нерон. Артист у власти

Все злодейства похожи друг на друга, а злодеи прошлого – во всяком случае, в римской истории – сходны между собой. Злодейские поступки как-то однообразны, чувства злобы, мстительности, страха – не новы, в то время как дела великие, светлые, высоконравственные окрашены всегда яркой индивидуальностью. Рассказ о Нероне, злодее, матереубийце, можно предварить заголовком – «Нерон – жизнь в страхе», или даже «жизнь в ужасе». Злодейство всегда связано со страхом, это близнецы-братья.

Он был императором, пятым или шестым по счету в истории Рима. Если считать от Юлия Цезаря – то шестым, если начинать отсчет с Августа – то пятым. Первый – Октавиан Август, который лицемерно называл себя принцепсом, считая себя не вполне императором, а только первым среди равных сенаторов. Далее Тиберий – мрачная, жуткая фигура, Калигула, который твердо был намерен произвести в сенаторы своего коня. Какой-то демонстративный разврат, нечто выходящее за рамки человеческих норм! Предшественник Нерона – Клавдий – самый тихий, самый ученый, он любит и знает литературу, искусства и вообще не рвется в императоры. Взбесившаяся гвардия нашла его во дворце прячущимся под кроватью, вытащила и провозгласила императором. Он был братом великого полководца Германика, необычайно популярного в Риме, умершего на Востоке, как предполагают, от отравления. Клавдий тоже был злодейски отравлен своей женой Агриппиной. В такой атмосфере правили первые римские императоры.

Среди них только Октавиан Август остался в истории блистательным, хотя и за ним водились дела неблагоприятные. Воин, полководец, он прорвался к власти после страшных гражданских войн, победив всех – и Цезаря, и Антония, и Помпея. Такая удачливость в Риме очень ценилась. Но прежде всего ценился гражданский мир, который он установил. Таков облик рождающейся Римской империи. С этого она начинается. Среди первых ее императоров – актер Нерон, который обожал все виды искусства и актерствовал сам. Но сначала – о его жизни, которой сопутствовал ужас.

54 год, первый век новой эры. Нерон становится не принцепсом, первым среди равных, а императором. Молодого Нерона твердой рукой вела к власти его мать Агриппина. И мальчишка семнадцати лет провозглашается императором необъятной мировой империи.

Нерон.
Античный бюст. Фото репродукции

В Риме сложилась противоречивая ситуация. Республиканские идеалы никто не забыл, о них все время говорят и спорят. И больше всего – сенаторы, те, у кого прежде при Республике была высшая власть. И которые с появлением фигуры императора оказываются отодвинутыми на вторые роли. Кому это понравится! Еще один момент: в прошлом время правления диктатора Суллы, время страшных преследований, казней, море крови, гражданские войны. Особенно страшны проскрипции, доносы, за которые щедро платят. В заслугу Нерону поставили, что он, не отменив совсем плату за донос, уменьшил ее на четверть. Атмосфера сложилась достаточно страшная. Сенаторы не хотят подчиняться императорам, желают вернуть себе всевластие, но боятся. И боятся настолько, что превращаются очень быстро в лакеев, что совершенно не соответствует былому величию римских сенаторов. Например, когда юноша Нерон произнес перед ними свою первую речь, – предполагают, что составил ее философ Сенека, его учитель, – они изъявили такой восторг, что сразу предложили объявить его отцом Отечества – это юношу-то в 17 лет! Какое искушение лестью! У него хватило ума отказаться. Действительно, речь была прекрасна, и произнес он ее как истинный актер, захватывающе эмоционально. Там было столько обещаний: что он возьмет на себя только контроль за армией в провинциях, не будет ни в чем ограничивать сенат и проявит искреннее милосердие ко всем сенаторам. «Долой насилие, долой все плохие воспоминания!» – с чувством кричал он. Благодарные слушатели предложили эту дивную речь выбить на серебряной колонне в сенате и ежегодно перечитывать. Они с самого начала – из чувства страха ли? из-за привычной лестии? – пали перед ним ниц, расписались в своей неспособности влиять на политику.

При предшественниках Нерона шестьдесят лет подряд сенаторов резали, высылали, морили голодом до смерти. Они все это помнили. И кроме того, хорошо знали, кто его мать. Агриппина стояла в политической жизни пугающей тенью – дочь Германика, внучка Августа, женившая на себе престарелого дядю Клавдия после того, как он стал вдовцом – после казни его распутной жены Мессалины. . . Агриппина добилась, чтобы наследником императора Клавдия стал именно Нерон, ее сын от первого брака, а не ее сын от Клавдия Британик. А Клавдия отравила. Кажется белыми грибами, которые он очень любил. Много позже Нерон цинично шутил: «Воистину, белые грибы – пища богов». Дело в том, что сразу после смерти римского императора провозглашали богом.

Агриппина решительно хотела править вместо сына и не стала этого скрывать. Она повела себя политически оригинально – самовольно появлялась в здании сената, куда женщинам вход был запрещен, демонстративно восседала рядом со своим сыном, показывая всем своим видом, что она, может быть, важнее, чем сам император. Даже монеты в некоторых провинциях чеканили с двумя изображениями – его и ее – на всякий случай. Очень скоро это стало его страшно раздражать.

Возможно, с этого страшного раздражения, которое вызывала в нем мать, началась его нравственная деградация, ведь не был же он с детства зверем! Как описывали его современники? Рыжая борода, красивые голубые глаза, несколько близорук, в театре пользуется граненым изумрудом в качестве увеличительного стекла. Правда, неопрятен, непричесан, подчас появляется в халате. Недруги говорят, что его тело в прыщах и дурно пахнет. Нерон мечтал о славе Александра Македонского, завидовал моральному авторитету Октавиана Августа, известного покровителя искусств. То есть что-то человеческое в нем было. Но поведение Агриппины и двух фаворитов, приближенных к нему, Бура из вольноотпущенников – это всегда были самые страшные люди, самые цепкие и особенно рвущиеся к власти – и поучающего Сенеки сильно изуродовали его характер. В результате Нерон стал матерубийцей.

Убийство Агриппины было страшным, это была драма в нескольких актах. Сначала он устроил все так, чтобы над ней рухнул потолок – потолок обвалился, но ее как раз в это время не было в доме. Потом он отправил ее на прогулку на лодке, которая была умышленно собрана

наспех. Лодка развалилась, но Агриппина выплыла – она, оказывается, прекрасно плавала. Тогда он начал приготавливать всяческие яды. Бесполезно. Она, отравившая в свое время Клавдия, принимала противоядия. И тогда пришлось поступить, как во времена проскрипций, – прислать к ней центуриона, чтобы тот убил ее. Сцена убийства была ужасна. Она сначала кричала: «Не смейте, я мать императора», а потом подставила убийцам живот и сказала: «Бей сюда, в чрево, породившее изверга». В этом есть что-то театральное.

Если продолжать разговор о родителях Нерона, нужно вспомнить его отца. Гней Домиций Агенобарб был известен даже в развратном Риме своей безнравственностью и свирепостью. Он убил вольноотпущенника за отказ выпить допьяна, нарочно задавил ребенка, выколол глаза всаднику за то, что тот осмелился противоречить ему. Молва приписывает Агенобарбу такие слова, которые он якобы сказал, когда родился Нерон: «Что хорошего могло получиться от такого, как я, и от такой, как она?» В этих словах – большая доля истины, независимо от того, были они произнесены или нет. Что и говорить, наследственность была «замечательная».

О Нероне писали многие древние авторы: Гай Светоний Транквилл, придворный писатель, тексты которого содержат подробное описание двора, серьезный историк Публий Корнелий Тацит, писавший много позже, через 100–150 лет после смерти Нерона, наконец – Дион Кассий, замечательный писатель уже III века. Поэтому время правления Нерона, несомненно, обросло легендами. Разобраться подчас довольно трудно, что – правда, а что – преувеличение. И все-таки попробуем.

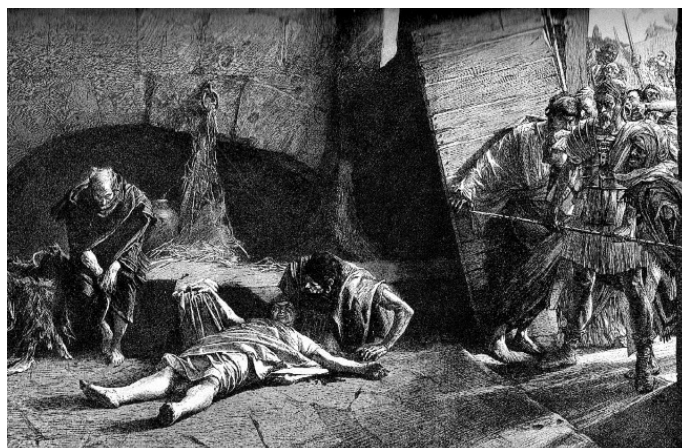
Нерон пытался быть хорошим, скажем так. И в исторической литературе запечатлелось, что первые пять лет его правления выглядели очень достойно. Он меценатствовал до последнего дня своей жизни, тратя на это огромные деньги. Щедрая раздача денег из своего кармана – и народу, и деятелям искусства – была для него характерна. Может быть, еще и потому, что в этом жесте много театрального. Он произносил красивые миротворческие слова. «Я верну мужей и сыновей», – говорил он и выполнил в некоторой степени свои обещания – замирился наконец с парфянами, установил прочный и долгий мир с Арменией. Но очень многое в его жизни было актерством. В его жизни трудно отличить истинное от лицедейства. И в словах, и в поступках.

Очевидно, атмосфера страха, в которой он все время находился, творила из него злодея, с каждым годом он становился страшнее. После убийства матери настала очередь сводного брата Британика. Его Нерон боялся, и это понятно – сын Клавдия был законным наследником. Император обратился к знаменитой Лакусте, знатоку ядов, услугами которой пользовалась еще мать. В Риме это была, можно сказать, официальная отравительница, известная фигура.

Готовый яд Нерон проверил на теленке. Теленок прожил еще пять дней. Император был очень недоволен и пригрозил Лакусте страшными муками, тогда она принесла другое зелье и сказала: «Ну, вот это уж наверняка». Его испытали на поросенке, который вмиг умер. Но как подлить яд Британику? На придворных пирах всегда присутствовал специальный человек, который пробовал питье и еду перед тем, как начнут трапезу члены императорской семьи и гости. И тогда пошла на хитрость – питье подали очень горячим, обжигающим. Британик сказал, что пить его не может. И тогда у всех на глазах ему подлили отравленной воды. Он отпил и тут же упал замертво. Нерон цинично сказал: «Ничего, ничего, это у него падучая. Он сейчас очнется». Хотя прекрасно знал, что его брат уже умер. Удивительно в этой истории то, что Нерон сам заказывал яд и лично сам общался с отравителями. Чем не чудовище?!

Но давайте взглянем на исторический контекст. Как просто было стать чудовищем в то время! Агриппина очень не любила одного из фаворитов Клавдия, некоего вольноотпущенника Нарцисса, соперничавшего с ней. Он практически был министром финансов, от него зависели денежные поступления, а денег ей всегда не хватало. Когда Нерон пришел к власти, любимца прежнего императора отправили в изгнание. Нарцисс пытался выслужиться перед

Агриппиной, уничтожил все компрометирующие ее документы. Но ничего не помогло. Она послала центуриона убить его. Это – факт частный, но говорит он о беззаконии и вседозволенности. Римская империя, крепнущая, находящаяся в процессе становления, переживает нелегкие времена – идет борьба императора с сенатом, среди сенаторов крепнет внутренняя оппозиция, и вместе с тем расцветают лезть и раболепство. При этом память о Республике не исчезла, о ней мечтают, хотя Республика умерла, а общество в такие переломные моменты похоже на безнадежно больного.

Смерть Нерона.
XIX в. Гравюра. Фото репродукции

Болезнь пронизывала все общество. Припомним хотя бы страсть широкой римской публики к сражениям гладиаторов, жестоким и кровавым! Культ жестокости как в военное, так и в мирное время обычно присущ периодам кризисов в обществе. И это не может не влиять на того, кто стоит у кормила власти, у кого власть фактически безгранична. Кроме того, надо еще сказать, что натура Нерона была восприимчивой, неустойчивой, неуравновешенной. Он мгновенно вспыхивал яростью, а потом мог рыдать от умиления, услышав звуки арфы. Он не чужд был искусству. Он пел, соревновался с другими в певческом мастерстве и, естественно, всегда побеждал. Он получил в Греции, куда отправился на соревнование певцов, 1808 золотых венков. Правда, при нем всегда были пять тысяч молодых людей, которые обеспечивали ему овации. Мы сегодня назвали бы их клакерами. Провала его «тонкая натура» не смогла бы пережить. Пение, разъезды, овации, поклонение – вот что его прельщало, что было ему по-настоящему интересно. Государственные дела со временем казались все более обременительными. Он с легкостью менял приближенных. Сенеку, великого философа, своего учителя, которого когда-то любил, Нерон отправил в изгнание, а потом регулярно спрашивал, жив ли он, не покончил ли он с собой. И, услышав о его самоубийстве, успокоился.

Справедливости ради надо сказать, что Сенека лепил из своего ученика образ, противный натуре Нерона. Он запрещал ему заниматься искусством, в частности пением, считая, и в общем, справедливо, что для этого нет данных, но самолюбивому юноше признать этот факт было тяжело. Нерону запрещено было много читать и даже Гомера, потому что гимнастические упражнения на свежем воздухе считались более полезными. Воспитанник Сенеки был физически крепким, сильным, чем радовал своего учителя. Но в жизни его не было Вергилия, не было тех сложных философских вопросов, которые ставятся в «Энеиде». А они, возможно, изменили бы его взгляд на мир и людей, облагородили его натуру. Но нет, Сенека ломает характер, принуждает воспитанника поступать только так, а не иначе. Думаю, всякий учитель должен помнить, что последствия таких методов воспитания могут быть самыми плачевными. В данном случае они оказались трагичными и для ученика, и для учителя.

Апогеем любви Нерона к искусству стала знаменитая история 64 года н. э. – пожар Рима. Вероятно, точно никогда уже не удастся сказать, причастен ли был Нерон к этому событию. Согласно скорее мифологической, чем исторической версии, он приказал поджечь Рим, чтобы вид пылающего города вдохновил его написание поэмы о пожаре Трои. Он будто бы стоял на башне дворца Мецената, знаменитого друга Октавиана Августа, и пел песнь о гибели Трои, сопровождая себя на струнном инструменте. Этот рассказ из области мифологии, хотя и отражает истинную натуру Нерона. Судя по источникам, он вряд ли был в городе во время этого гигантского пожара.

Древние города горели очень часто, это было неизбежно, достаточно было неосторожной искры. Есть версия, что Нерон отдал команду пожарным бригадам не тушить кварталы старые, застроенные деревянными зданиями, чтобы потом на их месте возвести каменные строения. Вот это предположение очень возможное.

Когда надо было найти виновных, он возложил ответственность за произошедшее на христиан, устроил резню, многочисленные, массовые казни «поджигателей».

В последние годы жизни императора нарастает его актерствование, оно приобретает все более болезненные формы. Видимо, благодаря стараниям пяти тысяч клкеров и многих тысяч льстецов, благодаря обману, который царил вокруг, Нерон стал верить, что он – великий актер. Он запрещал шевелиться во время своих выступлений. Выйти из театра в случае необходимости было совершенно невозможно. В источниках упоминаются случаи, когда женщины рожали во время театрального действия, не смея удалиться. Будущий император Веспасиан однажды заснул и захрапел во время выступления императора – а был он тогда провинциальным полководцем, которого Нерон зачем-то возил с собой в свите. Казалось, жизнь Веспасиана кончена. Но Нерон был в хорошем настроении и лишь сказал: «Ну что этот мужик понимает в искусстве?» И сослали Веспасиана в его деревню, конечно, не подозревая, что этот человек «из простых» довольно скоро станет императором.

Любовные увлечения Нерона тоже являют собой нечто неестественное, уродливое, всегда страшное. Женили его насильственно в юном возрасте на Октавии, дочери Клавдия. Это была затея его матери. Но к своей супруге, совсем еще девочке, Нерон испытывал полное физическое отвращение. В конце концов он всячески стал избегать ее, и брак стал поистине несчастьем для обоих. Затем он влюбился в вольноотпущенницу Актэ, родом из Сирии, и, судя по всему, она его любила. Вот редкий счастливый случай! До конца его жизни она была ему предана, а потом проводила его в последний путь. Верность Актэ не помешала ему изменять ей. Так, он влюбился в знатную даму Поппею Сабину, из-за нее отправил в изгнание несчастную свою жену, а мужа Сабины убил. Через 20 дней после развода с Октавией состоялась его свадьба с Поппеей. Затем он приказал расправиться с Октавией, а вскоре убил Поппею ударом ноги в живот (она уже ждала ребенка). Картина рисуется страшная – отравлен брат, подсланы убийцы к матери, убита одна жена, другая... И это не считая множества других убийств, не столь в его жизни важных.

Конечно, природа участвует в рождении таких чудовищ – наследственность сыграла тут не последнюю роль. Но дело не только в ней. Время, время было страшное. Личность человека, оказавшегося у власти, попадает в атмосферу жестокости, изломанности, извращенности. Время Нерона было началом глубокого заката римской цивилизации. К I веку н. э. за плечами у римского общества и государства – почти тысяча лет непрерывного восхождения. Это долгое успешное развитие, превратившее Рим во властелина всего тогдашнего мира, создало особую идеологию вседозволенности. Ведь победителей не судят. И когда стали ломаться институты, которыми Республика и гражданская община так гордились после кровавых рек эпохи проскрипций и гражданских войн, родилось явление демонстративной аморальности. Она и была повивальной бабкой при рождении ТАКОГО Нерона.

Смерть Нерона очень вписывается во всю эту картину. Он был у власти 14 лет – не так мало. Его правление в первые пять лет было вполне приличным. Какую эволюцию он переживал? Все больше актерствовал и забывал о государстве и управлении. В итоге он вообще перестал интересоваться тем, что происходит в Риме и провинциях. В столице империи зрело недовольство. Начался бунт провинций. Для подавления восстания в Палестине Нерон послал Веспасиана, в Галлии сам римский наместник возглавил восстание. Поднялась Испания, и предводителем недовольных оказался тоже римлянин, сенатор Гальба (очень скоро он ненадолго станет императором). И наконец, императорская гвардия тоже оказалась против Нерона. Тут он спохватился и вдруг прозрел.

Он проснулся ночью, а дворец пуст, никого нет, гробовая тишина. Стража ушла. Он метался по пустому дворцу, наткнулся на своего бывшего слугу Феона, который сказал ему: «Пойдем ко мне, я тебя спрячу». Слуга замотал Нерону лицо, привел к себе в дом и сразу стал уговаривать: «Давай, покончи с собой, как прилично римлянину, потому что за тобой уже послали, тебя ждет позор». К тому времени сенат уже объявил Нерона врагом отечества и вынес решение применить к нему традиционную римскую казнь. Нерон, узнав об этом, спросил у Феона: «А это как?» Тот объяснил: «На голову надевается колодка, туго зажимается, и человека бьют, избивают, лупят плетью до смерти». Нерон запричитал, заплакал и все-таки до конца остался артистом. Он воскликнул: «Какой великий актер умирает!» И покончил с собой.

Но у него была жизнь после смерти. Мгновенно распространился слух, что он не умер, а бежал на Восток... Слух этот держался долго, главным образом потому, что многим было известно – у Нерона есть двойник, и не один. Он искал себе двойников, часто посылал их на какие-то публичные выступления. Естественно было предположить, что погиб двойник, а он-то жив и еще покажет себя. В течение многих лет на его не очень пышной гробнице загадочным образом появлялись цветы. И это лишь укрепляло предположения. К счастью, предположения оказались мифом. Страх часто рождает мифы.

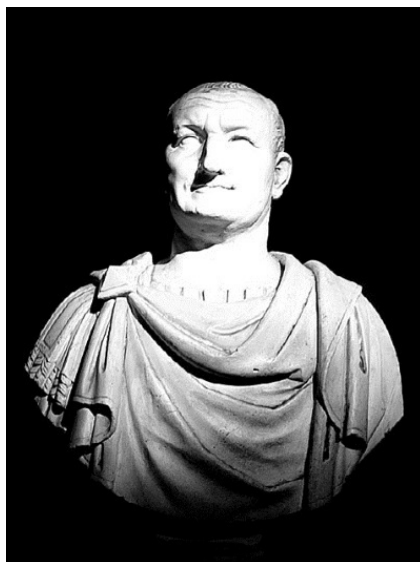
Веспасиан. Крестьянин на троне

Каким он был, где родился, каково его происхождение и почему его называют «крестьянин на троне»? Веспасиан находился у власти с 69 по 79 год н. э. На протяжении десяти лет он правил в раздираемом гражданскими войнами Риме. Это много, это серьезно! Он взшел на трон в шестидесятилетнем возрасте, по тем временам – глубочайшим стариком. Его звали Тит Флавий Веспасиан. Став императором, он принял имя Цезарь Веспасиан Август, что внушительно и красиво. Для человека из низов это было важно.

Чем же эта личность примечательна? Веспасиан – человек из низов, простолюдин, который не имел отношения ни к республиканскому, ни к имперскому нобилитету. С его появлением на троне было развеяно устоявшееся представление о власти – «править должен первейший из лучших». Кто такой император? Напомню, «принципат» – это первенство, главенство (от латинского *princeps* – «первый, главный»). А Веспасиан был в молодости центурионом, а может быть даже солдатом. Центурион – это «сотник», тоже невысокое военное звание. Но как полководец, Веспасиан бесспорно отмечен в истории. В 69 году он жестоко подавил опаснейшее для Рима восстание в Иудее, которое сами древние называли Первой Римской войной, – покорил всю территорию этой непокорной провинции, кроме Иерусалима. Он много сделал для обустройства государства, при нем было начато строительство Колизея. Но все по порядку.

Он родился 17 ноября 9 года н. э. в небольшой деревне Фалакрины около Риаты, современной Риеты, к северу от Рима. Предки его ни знатностью, ни богатством, ни славой не отличались. Как пишет Светоний, замечательный биограф римских императоров, – «изображений предков не имел». И все сразу понимали, что речь идет о незнатной семье. Дед был центурионом или солдатом, отец – сборщиком податей в провинции Азия. Легенда гласит, что в Азии в память об отце Веспасиана было поставлено несколько статуй, которые украшала надпись «Справедливейшему»... Скорее всего, это вымысел. Никогда налогоплательщики памятники сборщику налогов ставить не будут. Но... так мифологизировались семейные предания того, кто прорвался из самых низов к власти – к управлению Римом. Фигура Веспасиана в определенном смысле – поворотная в Римской истории.

Мать Веспасиана происходила из более знатной семьи, ее дед был военным трибуном. Жена императора, Флавия Домитилла, как сообщает Светоний, – «бывшая любовница римского всадника из Африки». Ее отец всего-навсего был писцом в казначействе и, значит, принадлежал к совсем мелкому и незначительному чиновничеству. И это – семья прославленного императора, основателя предпоследней династии Флавиев. Обоим его сыновьям – Титу и Домициану – довелось побыть императорами после его смерти. Веспасиан добивался установления традиции наследственной передачи власти. Сенат был против, но он все-таки настоял на своем. Его дочь Домицилла прожила короткую жизнь, сравнительно рано умерла и его жена. И после смерти жены он взял в дом свою бывшую наложницу Циниду – вольноотпущенницу матери императора Клавдия. Налицо желание этого здравомыслящего человека, не пытающегося ряздиться в тогу патриция, подчеркнуть: «Да, мы из низов, но мы связаны с императорским домом!» Веспасиан вслед за своими незнатными предками – писцом казначейства и сборщиком налогов – вполне мог заявить: «Я служу империи, но не титулами, волею судьбы доставшимися от предков, а деяниями своими». Это то новое, что, собственно, внес этот человек в такое грандиозное явление, как Римская государственность. Он медленно, как-то очень естественно, постепенно делал карьеру, без рывков, без опасных поворотов, по-крестьянски, по-простецки, своим умом додумывая, где лежит кратчайший путь наверх.

Веспасиан.

Античный бюст. Фото репродукции

Он начал со службы в римской армии (ее части стояли тогда во Фракии, на территории современной Болгарии). Будучи военным трибуном при Калигуле, Веспасиан, человек абсолютно здравомыслящий, воздавал почести этому склонному к садизму императору. Не в оправдание, а справедливости ради надо сказать, что такого низкопоклонства, как при Калигуле, трудно найти в истории Рима. Все выступали, кричали, требовали: «Калигулу! Калигулу! Трибуном! Цензором! Консулом!» Страх парализовал людей. Сначала они целовали ноги императору, а потом благополучно зарезали его. Потому что простить того, кто заставил тебя пресмыкаться, невозможно. Вот в такой обстановке, отмеченной чертами явного вырождения, нравственного упадка, Веспасиан и начал свой путь к власти.

Рим того времени – по существу, монархия. Со времен Октавиана Августа, с 27 года до н. э. римское государство возглавляет «принцепс». Слово «монарх» отпугивает, но «принцепс» – «первый среди равных» – ласкает ухо, свидетельствуя в то же время об укоренении традиции единоличной власти. «Принципат» – это по сути монархия в республиканских одеждах. И потому Веспасиан на пути к власти отдавал должное этим республиканским декорациям. Он был претором в 40 году, до этого исполнял должности квестора, эдила, дважды имел жреческий сан. Он вовсе не стремился занять какое-то особое положение, а просто делал карьеру чиновника и военного.

После должности военного трибуна при Калигуле он становится наместником римского императора на Крите. Затем – Германия. В войнах с германцами он проявил полководческий талант. В 43–44 годах Веспасиан стал командовать легионом, в котором предположительно было до семи тысяч человек. Это серьезная боевая единица! А вскоре он отправился в Британию. Рим завоевывал ее очень трудно, встречая сильное сопротивление местного англосаксонского населения. Считается, что он выиграл в Британии 30 сражений. Воюя то с германскими варварами, то с кельтским населением Британии, он познал законы партизанской войны, что очень пригодилось в Иудее. И в результате Веспасиан был отмечен как полководец и смог в 51 году, это уже время правления Клавдия, опять занять республиканскую должность консула. И вот тут начинается его придворная карьера. Надо сказать, что он всегда сторонился императорского двора, но соблазн оказаться в самом водовороте политических событий был силен. При поддержке всесильного фаворита Клавдия, вольноотпущенника Нарцисса, наш герой начинает выдвигаться на придворном поприще.

Нарцисс, жадный до власти, уверенный и сильный, исполнял роль «премьер-министра» при императоре. Сам Клавдий испытывал тягу к философствованию, литературному творчеству, обязанности государственного мужа его тяготили, и он с удовольствием передал их своему фавориту. А Нарциссу нужна была поддержка скромных, но победоносных провинциальных генералов. В итоге Веспасиан примкнул к группе поддержки. Но... Нарцисс свергнут. В 54 году к власти приходит император Нерон.

В первые годы правления Нерона ключевой фигурой при дворе становится его мать, Агриппина. Она ненавидела Нарцисса и всех приближенных к нему людей. Она собиралась их убить, причем уничтожить физически, что было для нее делом вполне обычным. И разумный Веспасиан сейчас же покидает Рим и окунается в частную жизнь. Ему – почти пятьдесят лет, возраст весьма и весьма солидный, и его уход с политической сцены вполне мог быть уходом навсегда. Вряд ли он предполагал тогда, что на самом деле у него все впереди. Не думаю, что у него хотя бы раз появлялась идея об императорской власти. Нет! Он знал, что наделен полководческим талантом, но никогда не думал, что его заслуги будут оценены так высоко. Он хотел сделать карьеру – это все, к чему он стремился. Скрывшись, он поступил разумно, расчетливо – вот что значит человек из низов! Когда погибает Агриппина (ее убил Нерон самым жутким, диким образом), Веспасиан вновь появляется. Он возвращается ко двору и в 63 году в качестве проконсула получает в управление провинцию в Африке, успокоенную, «замиренную» римскими войсками.

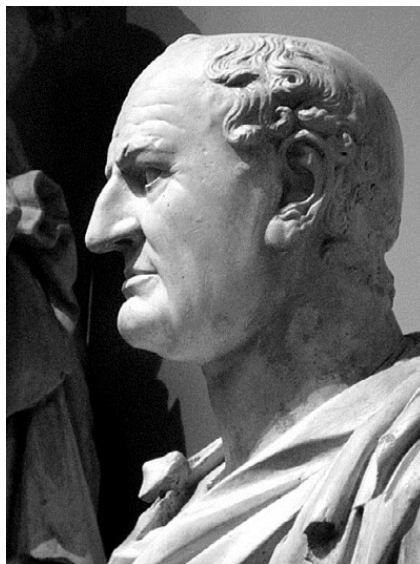
Никто не сомневался, что оттуда он вернется богатым человеком, поскольку в провинциях богатели все без исключения проконсулы. А вот он – нет! Когда около года спустя он возвратился, ему пришлось отдать в залог свое имущество, дом, не такой уж и богатый, родному брату. Милые отношения, не правда ли? Веспасиан начал зарабатывать деньги торговлей мулами. Между тем римским сенаторам, да и знатым людям вообще, было запрещено заниматься торговлей, тем более такими неблагородными животными. Веспасиан сразу же получил прозвище Погонщик мулов, которое осталось с ним до самой смерти. А став императором, Веспасиан установил налог на общественные туалеты – в сущности, он ввел понятие «платный туалет». Известен афоризм, якобы принадлежащий Веспасиану, «деньги не пахнут». Этими поступками он никому не бросает вызов, он просто живет по своим понятиям. Раз торговля мулами дает деньги – значит ею стоит заниматься. Семью-то надо содержать! Римский историк Светоний пишет, что Веспасиан имел смелость выходить из зала во время пения Нерона. Так то не смелость была, просто Нерон скверно пел, и не всякий мог слушать его. Да и не уходил вовсе Веспасиан, а просто заснул, да так громко захрапел, что Нерон услышал, но снисходительно сказал, дескать, что с него взять – солдафон, деревенщина, ничего не понимает в искусстве.

Такое поведение простеца, человека «от земли» совсем не нарочито. Просто он вел себя так, как подсказывала его натура. Его постоянные шутки называли грубоватыми, солдафонскими, но они такими и были и не претендовали на большее. И вот Нерон, недовольный выходками Веспасиана, назначает его командующим в походе на Иудею.

Это была провальная затея, потому что известно, что Иудея того времени – самая бунтующая провинция великой Римской империи. Начиная с VI века до н. э. она пытается сохранить свою независимость. Ее история на протяжении 300–400 лет – это цепь постоянных заговоров, убийств, восстаний. Страсти окончательно накаляются, когда во II веке до н. э. Селевкиды пытаются подчинить Иудею, установить в ней свое правление. Но ничего не получается! Один из ее правителей, Александр Янай (новый царь Иудеи из Хасмонейской династии и первосвященник в 103–76 годах до н. э.), приказал убить 800 восставших евреев на глазах их жен и детей. В 37 году до н. э. проримски настроенный царь Ирод велел утопить брата своей жены, удушить своих детей от брака с еврейкой. Имя его стало нарицательным. Но никакие жестокости не помогли царю Ироду усмирить своих подданных. Наоборот, против него начинаются бурные протесты. И вот – Иудейская война. Римская карательная экспедиция в первый же год

потерпела поражение. Тогда туда направляют Веспасиана – ему предстоит или спасти положение или потеряться в дебрях этой бесконечной и страшной войны.

В истории этой войны – множество поразительных сюжетов. Например, наместник одной из областей Галилеи Иосиф, сын Матафии, перешедший на сторону римлян, в дальнейшем стал знаменитым историком Иосифом Флавием, приняв родовое имя Веспасиана. Читайте роман Фейхтвангера «Иудейская война» – отличная книга!

Веспасиан.

Слепок с античной статуи. Фото репродукции

Веспасиан ведет кампанию удачно. Не легко, не бесспорно, но умно и с хитрецей. Он не бросается в самые тяжелые битвы, его уговаривают штурмовать Иерусалим, но он отказывается. И вот как передает Иосиф Флавий логику поведения Веспасиана: «Лучшим полководцем является бог, который хочет отдать иудеев в руки римлян без всякого напряжения с нашей стороны, а войску нашему подарить победу, не связанную с риском. Пока враги собственными руками губят сами себя, пока терзает их самое страшное зло – междоусобная война, нам лучше пребывать спокойными зрителями этих ужасов, не ввязываться в борьбу с людьми, которые ищут смерти и неистово беснуются друг перед другом». Точно так же Веспасиан поведет себя и в Риме, когда перед ним забрезжит призрак императорской власти. «Не буду ввязываться, пусть претенденты на престол пожирают друг друга», – говорил он всем своим поведением. А пока – победа за победой – успех сопутствует ему во всем. Он пользуется любовью легионеров, потому что ведет их к победе спокойно, умно и расчетливо, не рискуя и не подвергая их жизни ненужной опасности. У него три легиона, это около двадцати тысяч человек с пехотой и конницей – большая военная сила, безгранично ему преданная.

В 68 году из Рима приходит известие – император Нерон покончил с собой. Безумцы наподобие Нерона всегда заканчивали так – их убивали в результате заговора или принуждали к самоубийству. Умирала римская аристократия, демонстрируя закат нравственности, закат верности римским традициям. Умирая, она открывала дорогу тем нуворишам, которых так блистательно представлял Веспасиан. После смерти Нерона легионы, стоявшие в Галлии и Испании, объявляют императором полководца, сенатора Гальбу. Сейчас же ему присягает Веспасиан. Однако Гальба вскоре был убит. Следующим императором был объявлен генерал Отон. И снова Веспасиан ему присягает. Но у Отона появляется соперник – Вителлий, которого поддерживают легионы в Германии. В этом противоборстве Отон потерпел поражение и покончил с собой. Когда Вителлия признают императором, Веспасиан был одним из пер-

вых, кто принес ему присягу на верность. Это удивительная, уже явно демонстративная позиция. А разве он виноват, что правители так быстро сменялись? Вителлий находился у власти несколько месяцев и был свергнут. И вот место свободно.

Легионы, стоявшие в Иудее, провозглашают императором Веспасиана. Но он отказывается! Легионеры отдают ему императорские почести, но он приказывает им разойтись, начинает грозить наказанием. А вокруг собираются люди, много людей, и он кричит все громче, чтобы слышали все, он – не император. Веспасиан играет роль верного служаки, солдата, который помнит прежде всего об интересах государства, и в отличие от бездарного актера Нерона играет талантливо. Но наконец он внял доводам своих сторонников: если действительно надо спасти империю от раздоров, ну тогда – ничего не поделаешь, будем спасать. Он идет походом на Рим и берет его штурмом. Рим грабят. Святым Веспасиан не был, это безусловно. Умел наказывать врагов, но в отличие от своих безумных предшественников старался соблюдать границы разумного, мог кого-то демонстративно простить, потому что интересы государства того требовали. Те правила игры, которые перечеркнули наследники Августа, пресыщенные безграничной властью, он старается восстановить. «Я человек из народа, я служу Риму, и я буду разумен» – вот его кредо.

Он оказался у власти в трудное время. Гражданская война, разорение. Самым важным становится вопрос финансов – позарез нужны деньги, и он с его крестьянским умом, крестьянской хваткой и полным пренебрежением к аристократическим условностям – что положено, что не положено римскому императору – стремится изыскать средства любыми путями и способами, не гнушаясь абсолютно ничем. Светоний пишет, что Веспасиан открыто занимался такими делами, которых бы постыдился любой простолюдин. Он скупал вещи, а потом распродавал их с выгодой, без колебаний продавал должности соискателям, за деньги выносил оправдательные приговоры подсудимым, невинным и виновным, без разбора. Наконец, назначал на хлебные места самых коррумпированных людей, чтобы они брали, брали, а потом он все это конфисковывал у них в пользу государства. Неплохая идея! Со своим простецким умом он мог показаться нудным, скучным, скупым, прижимистым и разочаровать римскую публику. Ан нет, не разочаровал. Несмотря на финансовые трудности Веспасиан стал строить храм богини Мира, вложив в строительство огромные деньги. И храм был построен. А это уже – поступок настоящего аристократа. Придя к власти неким простецом, он доказал, что вполне понимает аристократические традиции и следует им. А для народа новый император начал строить Колизей, который тогда назывался Форум Флавия (строительство завершится при его преемниках, сыновьях). Теперь Колизей – один из символов римской цивилизации. В течение десяти лет правления Веспасиана римляне вели только две войны. Одну, доставшуюся по наследству, – в Британии. Другую – в Иудее, ее завершал его сын, император Тит. В Риме в храме Януса открывались двери, когда империя вела войну. Веспасиан сказал: «Война закончена! Забудьте!» – и приказал закрыть двери храма. Он любил анекдоты про себя, спокойно относился к тому, что над ним подшучивали. А цель, которую преследовал, была одна – показать, что император – человек из народа и для народа. Он был не так прост, как хотел казаться. Уже умирая, семидесятилетним стариком, он пошутил: «Кажется, я становлюсь богом», имея в виду традицию обожествления императоров после смерти. Возможно, он и не говорил эту фразу, но ее приписали именно ему. Нерону приписали другую – «Какой великий артист умирает!». И тот и другой, хотя корни их совершенно разные, продолжали традицию античного анекдота, а она, как правило, скрывает что-то очень существенное, идущее из глубин природы конкретного человека или явления. И это вовсе не анекдот в нашем, современном понимании.

Умер Веспасиан в 79 году н. э., как говорят, от лихорадки. Тогда почти все болезни называли лихорадкой. Последним тяжелейшим переживанием было известие о готовящемся на него покушении двух близких ему сенаторов – Марцелла и Альена. Они оба были убиты по приказу Веспасиана. Он искренне не мог понять, как можно покушаться на человека из народа, на того,

кто рисковал жизнью на полях сражений, собирал богатства для империи, строил бессмертные храмы? Простить заговорщиков он отказался.

Царица Нефертити. «Прекрасная пришла»

«Прекрасная пришла» – один из вариантов перевода имени Нефертити. Древнеегипетская иероглифическая письменность была расшифрована Франсуа Шампольоном в начале XIX века, но никто не знает и никогда уже не узнает, как звучали эти слова. Тем более что гласных звуков это письмо не передавало.

Нынешнее имя Нефертити – условность, но оно удивительно идет ей. Мы знаем ее лицо – лицо дивной, почти неземной красоты. Оно было возвращено современным людям спустя три с половиной тысячи лет. Ее изображение было найдено в городе Ахетатоне, новой столице ее мужа, фараона Эхнатона, для которого эта женщина была не только женой, но и единомышленницей.

Ахетатон открыт археологами в 1887 году. Началось все с того, что некая арабская крестьянка из деревни Телль-Амарна обнаружила таблички с клинописными значками. Она знала, что за это дают хорошие деньги, и продала находки – выяснилось, что это текст международного договора между отцом Эхнатона и хеттским царем. Он был написан клинописью, а не иероглифами. Древние египтяне применяли иероглифы только внутри страны, считая их священными знаками. А аккадский язык служил международным, как латынь в Средневековье, и тогда пользовались клинописью.

Найденные крестьянкой таблички были частью архива. И археологи стали искать город, в котором этот архив мог бы храниться. Так был найден Ахетатон.

Восхитительные изображения Нефертити лежали лицом вниз в развалинах мастерской скульптора, имя которого, тоже условное, нам известно – Тутмос. Найденны три бюста, два из них хранятся в Берлине, третий – в Каире.

О ней, столь прекрасной, написано много художественных произведений, в том числе роман американки Элизабет Херинг «Ваятель фараона» – о том, как скульптор полюбил царицу и воплотил свое великое чувство в ее портретах. Но это лишь романтическая фантазия.

Бюсты были найдены в 1912 году. Немецкий археолог Л. Борхард, который вел раскопки, отметил в дневнике: «Описывать бесполезно. Смотреть». И мы до сих пор с восторгом смотрим на эти произведения искусства. Но и Нефертити как будто смотрит на нас сквозь тысячелетия.

В лице ее есть нечто загадочное. Почему, например, вставлен один глаз? Мы можем лишь строить предположения. Все, что касается жизни этой солнечной четы, фараона Эхнатона (Аменхотепа IV) и его жены Нефертити, восстановлено по многочисленным находкам: табличкам, надписям, барельефам, скульптурам. Создана «вероятностная картина мира», как выразился один исследователь.

Есть версия, что один глаз не вставлен на место, потому что, когда это сделано, изображение становится воплощением души, переселившейся в иной мир. Пока человек жив, этого делать нельзя. Таким образом, это изображение прижизненное.

Но может быть, скульптор просто не успел завершить работу. Ведь мастерская была уничтожена противниками религиозной реформы, врагами Эхнатона.

Даже даты жизни Нефертити точно неизвестны. Она жила во второй половине XIV века до н. э. – это зенит истории Древнего Египта.

В тот период Египет стал мировой державой. Супруг Нефертити Аменхотеп IV получил от своего отца Аменхотепа III громадную территорию, простиравшуюся от Нубии, на юге Нильской долины, от четвертого порога Нила, до его дельты и дальше на север, уже вне пределов африканского континента, то есть до Сирии, Палестины, Ливии, до границ владений древних хеттов. В этой процветающей державе, куда тысячами пригоняли пленников, новый фараон, остановив внешние завоевания, затеял колоссальные внутренние преобразования.

Конечно, он должен был потерпеть поражение. Но это позже, а пока Аменхотеп IV объявил второстепенными всех богов, включая Анубиса, Осириса, и даже приказал уничтожать изображения прежнего главного бога – Амона. Страшная дерзость! Это могучее божество, защищавшее Нильскую долину, заменили солнечным диском. Новый бог был назван Атон. Он простирает лучи ко всем, кто на него смотрит, и каждый луч заканчивается изображением руки. Эти руки ласкали египтян... и не только египтян.

Фараон Аменхотеп IV сменил свое имя, назвавшись Эхнатон – «угодный Атону».

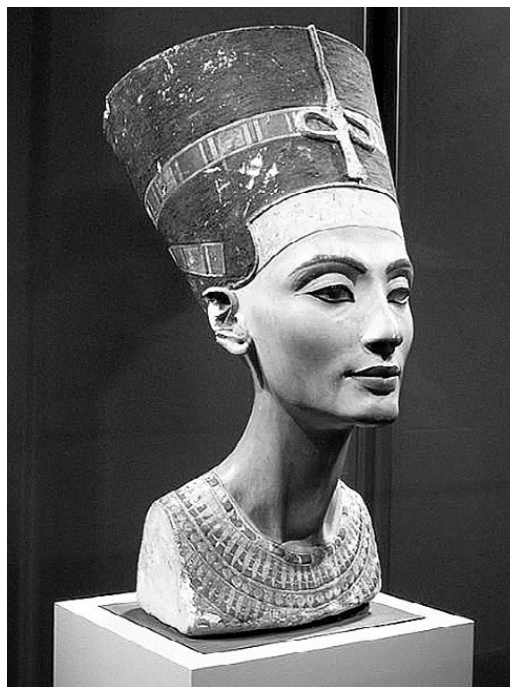
Эхнатону приписывают сочинение «Гимна Солнцу». В переводе замечательного русского востоковеда Б.А. Тураева он звучит так: «В единстве своем нераздельном ты сотворил всех людей, всех зверей, всех домашних животных». Это обыкновенное солнцепоклонничество, свойственное большинству народов древности. «Все, что ступает ногами по тверди земной, все, что на крыльях парит в поднебесье».

В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте, тобой предначертано каждому смертному место его. Ты утоляешь потребности и нужды людей, каждому пища своя, каждого дни сочтены». Фактически это единобожие. Один всеблагой, всемогущий Бог. Тут уже очевидно отступление от язычества. «Их наречия различны. Цветом кожи не схожи они, ибо ты отличаешь страну от страны и народ от народа». Удивительный взгляд на мир для человека глубокой древности!

Идеи Эхнатона трудно объяснить рационально, поэтому кем только его потом не объявляли: гермафродитом, оскотенным пленником, даже инопланетянином.

Действительно, непонятно, что заставило его взяться за полное переустройство жизни. Ведь у него и так все было хорошо. Богатейший край, горы золота, тысячи рабов. А он стал мыслителем, философом, чуть ли не гуманистом, настоящим еретиком древности.

Город Ахетатон – его новая столица. Эхнатон поступил как Петр I через много веков после него. Он тоже хотел начать новую страницу в истории своей могучей империи. И отметил это важнейшим актом – строительством новой столицы. Более 300 километров от древней столицы – города Фивы, где жили всемогущие жрецы бога Атона и был центр духовности и политики.

Бюст Нефертити из мастерской Тутмоса в Амарне.
XIV в. до н. э.

Строительство Ахетатона шло стремительно. Можно ли применять слово «стремительно» к Древнему Египту? Да. Отринув все архитектурно-строительные нормативы Древнего и Среднего царства, сподвижники Эхнатона строили совсем по-другому. Прежде здания возводили из колоссальных каменных блоков. Перемещение этих гигантских конструкций – длительный, мучительный процесс, он запечатлен на рисунках древних египтян. Многотонные детали медленно двигали и долго шлифовали мокрым песком. При Эхнатоне же стали строить из маленьких, заранее заготовленных блоков. Получались совершенно иные дома. Кстати, потому город и был потом так легко разрушен.

Эхнатон спешил. Надо было, чтобы вдруг, будто чудом выросла новая столица. Место было выбрано удивительное. Его, как говорил Эхнатон, указало само солнце. Горы окружают небольшой участок берега. И вот в этом месте, со всех сторон защищенном горами, строится город.

Характерно, что многочисленные усыпальницы, которые были высечены в горах Ахетатона, не пригодились, ведь город просуществовал всего лет 40, потом жрецы, враги реформы, все разрушили, а жителей изгнали. И пески накрыли город, сделав великий подарок будущей археологии.

А пока Эхнатон переместился на север с двором и новыми людьми, которых приблизил к себе. Во главе войска он поставил немало иностранцев: нубийцев, сирийцев. Появились они и среди знати.

Вместе с фараоном отправилась в новый город и его жена Нефертити. Женится Эхнатон рано, тогда же, когда вступил на престол. Ему было около 15 лет.

Если имя жены переводится как «Прекрасная пришла» или «Пришедшая красота», то можно предположить, что она чужестранка. В древности было принято заключать браки между детьми царских родов. Лучшие политические связи – династические.

Однако эту версию со временем отвергли, потому что были найдены надписи, из которых следует, что Нефертити не была чужеземной принцессой. Известны даже ее родители. В официальных надписях некие Тия и Эйе называются кормилицей и воспитателем Нефертити, великой супруги царя. А ее младшая сестра называла их родителями. Правда, может быть, она именовала их так образно.

А если присмотреться к изображениям фараона Эхнатона и его жены. Есть барельеф, где они в профиль смотрят друг на друга. Бросается в глаза очевидное сходство в строении черепов, в форме ушей, в линиях лица. А ведь браки с близкими родственниками были приняты в Древнем Египте. Нефертити вполне могла быть родной сестрой своего супруга.

В любом случае она с самого начала заняла позицию его сподвижницы. Причем ей было на кого равняться. У отца будущего Эхнатона тоже была возлюбленная, главная жена. У них у всех, конечно, были гаремы. Но гарем – это для развлечений, для прогулок на лодке по Нилу, для какой-нибудь пирушки в саду. А главная жена – соратница. Царица Тэя занимала достойное положение при Аменхотепе III. Его царствование – это почти столетия процветания. Она стала для Нефертити примером того, как быть правой рукой мужа, как действовать вместе, например, присутствовать при встречах с послами.

Откуда следует, что Нефертити была единомышленницей своего мужа? На шестом году правления (небольшой срок для медленной древней цивилизации) она вместе с ним покидает Фивы и отправляется в Ахетатон. Не дожидается, пока он, так сказать, обживется на новом месте, а сразу едет туда, в пустыню, где идет быстрое строительство.

Жизнь, которую она ведет в Ахетатоне, – это служение. Служение новому религиозному культу. Был придуман такой ритуал. Ежедневно на рассвете фараон вместе со своей главной женой Нефертити выезжает на колеснице из дворца и следует одновременно с движением солнца до главного храма Атона. Солнце на юге поднимается очень быстро, но отставать от

него нельзя ни в коем случае. В храме производится некий обряд, в котором Нефертити участвует равноправно. Ритуал – это непременно жертвы. Мясо, фрукты, овощи, цветы – все это преподносится богу. Потом супруги возвращаются, сияя. Атон взошел на небо, значит, жизнь продолжается.

Закат солнца Нефертити, по одной из версий, отмечала сама, тоже в специальном храме, где была верховной жрицей.

При богослужениях она, видимо, пела, убаюывая бога Атона. Есть упоминания об ее сладкозвучном голосе.

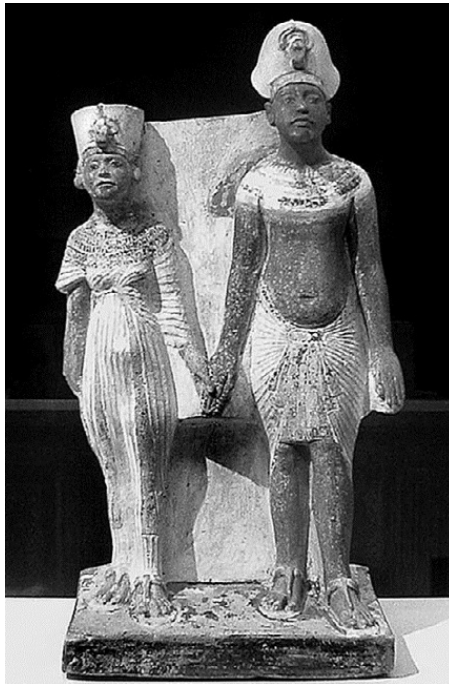
Прекрасные звуки издавали в ее руках и сistrы – музыкальный инструмент, где на перекладинах закреплены звенящие металлические – по-видимому, серебряные – детали. При умелом обращении они очень благозвучны (а если не уметь – получается трещотка).

По возвращении из храма фараон и его жена осыпали народ золотом. Нефертити лично – это много раз изображено – раздавала золотые ожерелья, награждала тех, кого считала нужным.

При Эхнатоне выдвинулось немало людей незнатных. Об этом свидетельствуют надписи на заготовленных заранее гробницах. Рассказывается, как кого возвысил фараон. Случалось так, что его приближенным становился бывший конюх. Новая знать – опора не вполне надежная.

Итак, Нефертити – жрица, пылкая сторонница нового культа. Но она и мать. У нее шесть дочерей. Старшая – Анхесенпаатон, вторая – Макетатон, третья – Меритатон. Было ли проблемой то, что она не родила мальчика? Вряд ли. В Древнем Египте фараон, чтобы родился наследник, вполне мог вступить в брак со своей собственной дочерью, это не считалось ненормальным. Но пока об этом, видимо, не задумывались. У Эхнатона были другие заботы.

Дело в том, что великая мировая держава начала шататься. Фараон давно не вел войн. А не воевать в древности нельзя. Традиционное общество развивается экстенсивно, за счет прибавления земель, работников, добычи. И если оно прекращает свое экстенсивное развитие, то внутренних резервов не хватает. Люди древности не умеют вести интенсивное хозяйство.

Эхнатон и Нефертити.

Парная статуэтка из Амарны. XIV в. до н. э.

И вот Египет, который должен постоянно расширяться или хотя бы иметь тенденцию к расширению, поддерживать свою власть на границах, начинает эту власть терять. Прежде всего потому, что пограничных правителей, условно подчинившихся фараону, надо регулярно одаривать. А Эхнатон забывал это делать.

И вот царь Вавилона Буриаш, которого в свое время Аменхотеп III осыпал золотом, пишет Аменхотепу IV:

«Если ты не можешь быть столь же щедрым, как твой отец, то пришли хоть половину». Очень трогательно, наивно.

Стауэтка Нефертити.
XIV в. до н. э.

Эхнатон решил заполучить вавилонскую царевну, выдать ее замуж за какого-нибудь знатного человека. Для ее сопровождения было прислано пять колесниц (это своего рода древние «Мерседесы» или «Бентли»). И вавилонский царь пишет: «Пять колесниц! Что скажут соседние цари! Дочь царя конвоируют пять колесниц! Когда мой отец отправлял мою сестру к твоему отцу, ее сопровождали три тысячи человек».

В общем, геополитическое сооружение, способное держаться только на силе, только на осознании соседними народами того, что завтра на них могут пойти войной, начинает рассыпаться.

Идеи Эхнатона, слова о том, что солнце равно любит и египтян, и вавилонян, и хеттов, соседей почему-то не утешают. Им хочется золота.

Предполагается, что в конце царствования Эхнатона случались солнечные затмения. Это было самое страшное с точки зрения нового культа. Люди сразу теряли веру.

Сохранилось одно удивительное изображение из города Гелиополя, где Нефертити изображена в одеянии фараона. Вокруг этого очень много споров: может быть, в конце жизни она захватила власть? Она держит врага за волосы (его облик таков, что сразу видно – враг: он изображен как «чужой» – с неегипетскими чертами) и поражает его палицей.

Может быть, этот барельеф создавался, чтобы морально поддержать народ? В ситуации распадающейся реальности, когда недостает колесниц, людям внушают, что власть сильна и,

если что, справится с любым врагом, даже царица способна его поразить. Грустные, безнадежные попытки защитить пошатнувшуюся власть!

Пошатнулось что-то и в личной жизни солнечной четы. На четырнадцатом году правления Эхнатона умерла его вторая дочь Макетатон. Сохранившиеся изображения представляют это событие как огромную трагедию. Нефертити так красиво заламывает руки!

Почему такое горе? В древности некоторые из многочисленных детей обязательно умирали. Это никого не поражало. Но ведь фараон с царицей сами всех убедили, что их семейство находится под особенным покровительством солнечного диска Атона, а могущественней его нет никого в

Они понимали, что в головах их соплеменников может зародиться простейшая мысль: здесь что-то не так. Может быть, они хотели тронуть сердца людей картинами своего родительского горя, которое, наверное, было искренним.

Здесь надо упомянуть об особенностях того искусства, которое породила реформа. По канонам Древнего и Среднего царств фараон всегда могущественный, ноги как столбы, торс как скала, голова как огромная туча. Эхнатон, вероятно, отменил эти требования и предложил изображать его таким, каким он был. А это довольно щуплая фигура, с узкими плечами, со слегка отвисшим животом, голова с могучим лбом мыслителя, лицо со слегка раскосыми глазами. И еще музыкальные руки. Сохранился кусочек барельефа, где руки, только руки, ладони Эхнатона и Нефертити, сложены с исключительной нежностью.

Что происходит после того, как горе пришло в семью Эхнатона и Нефертити, мы точно не знаем. Но известно, что царица переселяется из большого дворца в другой, в северной части Ахетатона.

Разъехавшись, они не перестали считаться мужем и женой. Но рядом с фараоном появляется другая женщина, по имени Кийя.

Сохранились ее изображения. Она красива. Но совсем не так, как Нефертити. Другой тип красоты. В ней есть что-то восточное, например вьющиеся волосы. Есть предположение, что она из Азии. Она лишена той европейской утонченности, которая отличает Нефертити.

Видимо, у Эхнатона вспыхнула страстная любовь. Считается, что Кийя родила ему двух сыновей, как бы возместив то, что не сложилось с Нефертити. Один из этих сыновей, возможно, Тутанхатон, переименованный после окончания реформ в Тутанхамона.

Полной ясности нет. Но заметно, что Эхнатон перестает всюду подчеркивать роль Нефертити, она не присутствует на главных богослужениях. И на гробе, который предназначался Эхнатону (он в нем, правда, не оказался), высечена молитва, любовная песнь Кийи. Вот она в переводе египтолога Ю.Я. Перепелкина: «Буду слышать я дыханье сладостное, выходящее из уст твоих. Буду видеть я доброту твою ежедневно. Таково мое желание. Буду слышать я голос твой сладостный, подобный прохладному дыханию северного ветра. Да слышу я голос твой во дворце солнечного камня, когда творишь ты службу Отцу твоему, Атону живому. Да будешь ты жить, как Солнце, вековечно, вечно». Переключки с библейской «Песнью песней» возникают сами собой.

Отливка маски. Предположительно третья дочь Нефертити – Анхесенпаатон.
XIV в. до н. э.

Нефертити в забвении. Она живет в северной части города, во дворце, при котором есть зверинец. Вольеры были через тысячи лет открыты археологами. Зверинец богато украшен. Со временем эти узоры назовут животнo-растительным стилем. Он будет, например, очень популярен в раннем Средневековье у германцев. Это чудесно переплетающиеся листья растений, фигурки животных. Нефертити не в темнице, не в бедности, она живет в изысканном дворце и, возможно, наслаждается общением с природой.

Тем временем жизнь Эхнатона идет к концу, а вместе с ним угасает и реформа. После его смерти вокруг мальчика Тутанхатона собираются старые и мудрые советники, реально правит Эйе, предположительно отец Нефертити. Начальник конницы Хоремхеб, решительный и сильный военный, говорит, что реформу надо прекратить. Жрецы объясняют упадок Египта изменой прежним богам. А простые люди, как показывают раскопки, никогда не переставали хра-

нить в тайниках изображения Осириса, Изида, Тота, Птаха и других прежних божков. Нельзя мгновенно перевернуть умы.

Что же случилось с Нефертити? В науке отсутствуют надежные сведения о конце ее жизни и месте захоронения, хотя об этом немало спорят.

Мы не знаем не только откуда «Прекрасная пришла», но и как именно она ушла. Может быть, это и правильно. Прекрасная не должна уходить.

Фемистокл. Спаситель и изгнанник Афин

Древняя Греция... Ее история невероятно привлекательна. Ее изучают в детстве, и она навсегда оставляет в душе прекрасный отпечаток.

Карл Маркс, который кое-что писал и для себя, а не только для мирового пролетариата, в «Экономических рукописях» 50-х годов XIX века обронил замечательную, емкую фразу: Греция – это «детство человечества там, где оно расцвело всего прекраснее». И еще он назвал древних греков «нормальными детьми». Именно как дети они и талантливы, и эмоциональны, и жестоки.

Фемистокл жил примерно 2,5 тысячи лет назад, в 524–459 годах до н. э. Полководец, один из «отцов-основателей» афинской демократии, активный сторонник войны с персами—опаснейшими врагами Древней Греции.

Он был невероятно высоко вознесен демосом – народом. Им же и поруган, ведь это типично для всех эпох.

О нем писали все видные древние авторы. Чтобы представить себе Фемистокла, надо читать Геродота и Плутарха. Современных же работ о нем мало. Есть хорошие статьи в старой, дореволюционной серии «Жизнь замечательных людей». Значительное место уделено ему в монографии Гранта Майкла «Классическая Греция».

Происхождение Фемистокла, по его собственным представлениям (если учесть его гордость), было просто ужасным. Он родился в Аттике. Это крошечный полуостров в форме треугольника на Балканском полуострове, на территории нынешней Греции. Фриара – сельское поселение. Все здесь маленькое, тесное. На народные собрания в Афины ходили пешком. Да и всю область можно было пройти из конца в конец. В общем, сельский провинциал – но с огромным самолюбием...

Отец – Неокл из рода Алкмеонидов. Род аристократический, но считался проклятым. Во время так называемой Килоновой смуты в VII веке до н. э. предки Фемистокла совершили святотатство, нарушили святость убежища у алтаря богини.

Мать – по афинским понятиям, иностранка. Она родом с севера Балканского полуострова. Имя ее точно неизвестно.

Итак, Фемистокл – гражданин, но с некоторыми минусами в вопросе происхождения. И это был сильный удар по его гордости.

Один из учителей сказал ему: «Из тебя, мальчик, выйдет не просто что-нибудь обыкновенное, а непременно что-нибудь великое. Хорошее или дурное». Какой прозорливый человек!

С детства Фемистокл увлекался ораторским искусством. Это его пока никак не выделяет, скорее наоборот. В системе древнегреческой демократии возможность быть политиком, но не быть оратором, просто исключалась.

Зато его крайнее честолюбие действительно необычно. Вот пример его рано проявившегося характера. Юные аристократы занимались гимнастическими упражнениями отдельно от полукровок. И вот Фемистокл убедил нескольких детей-аристократов бороться с ним в школе для простых смертных. Вероятно, он повел себя так, что им было уже все равно, где его бить. Но справиться с ним никому не удавалось. Он сам побил своих противников.

Хотя он не получил утонченного, аристократического воспитания, Фемистокл жил мечтой о политической карьере. Известно его высказывание: «Я мало смыслю в пении и брэнчании на арфе. Но дайте мне небольшой городишко, и я сумею сделать его большим и сильным городом». Он сознавал свои возможности.

По легенде, отец Фемистокла рано заметил его страсть к политической карьере и то, как он стремился в столицу. Однако он боялся за сына и не желал ему дурной судьбы. Неокл как-то показал ему старые галеры на берегу моря и сказал: «Точно так же поступает народ и со сво-

ими предводителями, когда они ему более не нужны». Наверное, это поздний миф, в котором отразилась коллективная мудрость. Помни о судьбе старых кораблей! Не жди благодарности. И действительно, судьба Фемистокла – пример тупой, вызывающей, злобной неблагодарности со стороны тех, кого мы называем народом.

Фемистокл.
Гравюра 1888 г.

А пока мечта о политической карьере была очень сильна. И он приступил к ее осуществлению. В тридцать с небольшим лет, несмотря на не очень знатное происхождение, он был избран архонтом-эпонимом, одним из трех архонтов, старейшин, которых тогда избирали в Афинах. Эпоним – первый из архонтов. У них уже не было такой власти, какой они обладали до реформ Солона. Когда-то, в позднем родовом обществе, они управляли всем, теперь же, в системе созданной греками государственности, они занимают скорее почетное место: они ведают религиозными делами, праздниками, церемониями.

Избрание на должность означало прорыв.

Чем же отличился архонтат Фемистокла? Прежде всего, постановкой трагедии Фриниха «Взятие Милета».

Это была эпоха греко-персидских войн. Милет – греческий город на побережье Малой Азии. В то время, когда Фемистокл был еще маленьким, несколько городов восстали против персидской монархической власти. И мужественней, отчаянней всех сопротивлялся именно Милет. Восстание было жестоко подавлено. Все жители Милета истреблены или проданы в рабство. И ни один город Греции не пришел им на помощь.

Трагедия маленьких демократических городов-государств, или полисов, состояла в том, что они были разобщены. Они, как дети, ссорились, воевали, завидовали и были жестоки. А на них с Востока, как туча, напозала колоссальная Персидская империя, которая проглотила уже множество государств. Она продолжала, как лава, надвигаться на эту мозаику свободных, жизнерадостных греческих городков.

В Афинах старались замять трагедию Милета. Было понятно: нехорошо, что не пришли соотечественникам на помощь, хотя могли.

И вот Фемистокл разрешил постановку драмы Фриниха – предшественника великой триады древнегреческих гениальных драматургов, Эсхила, Софокла и Еврипида. Его трагедии еще не так совершенны, но, когда «Взятие Милета» исполнили в театре, народ рыдал. Греки всегда вели себя по-детски естественно. В Афинах, если артисты играли хорошо, им аплоди-

ровали, если плохо – забрасывали их тухлыми овощами, а могли подкараулить и поколотить. А в этот раз рыдали.

И тогда власти спохватились. Архонтов встревожил патриотический подъем. Надо бы наказать автора, но демократия не велит так поступать. Придумали. На него был наложен большой штраф с формулировкой: «За то, что расстроил своих сограждан и довел их до слез».

В Афинах кипела борьба за власть. Несомненно, существовала проперсидская группировка. Фемистокл же собирал вокруг себя сторонников борьбы с Персией.

При этом он страшно рисковал. Греция и Персия! На первый, поверхностный взгляд, «слон и Моська». Войско персов громадно и кажется непобедимым. Но скоро Фемистокл докажет, что миф о непобедимости можно развеять.

Персы начали наступление на греческие города около 500 года до н. э. Захватили пролив Дарданеллы. Подавили сопротивление греческих городов в Малой Азии и двинулись на Балканский полуостров.

И Фемистокл, при всем его честолюбии и желании непременно победить, решился на отчаянный поступок.

Весной 492 года до н. э. состоялся знаменитый поход персов против Греции под предводительством Мардония, зятя персидского царя Дария.

Персидский флот прошел вдоль побережья Фракии на севере Балканского полуострова. И был разбит – но не греками, а бурей. Но в 490 году послы Дария прибыли почти во все города Греции и потребовали «земли и воды», то есть капитуляции. В Спарте их бросили в колодезь, сказав, что там они наберут достаточно и воды и земли, в Афинах просто убили. Таким образом, прямое сопротивление персам оказали только Афины и Спарта, соперничавшие друг с другом.

13 сентября 490 года до н. э. недалеко от Афин, на равнине, произошла Марафонская битва. Командующим со стороны греков был Мельтиад – политический соперник Фемистокла. Греки победили, и Мельтиадом шумно восхищались в Афинах. Фемистокл, видимо, участвовал в сражении и командовал небольшим отрядом. Но не он был главным героем Марафона.

Вернувшись в Афины, он стал мрачным, унылым, не участвовал в пирах. Его спросили: «Что с тобой?» Он ответил: «Лавры Мельтиада не дают мне покоя».

Народ предал Мельтиада намного раньше, чем Фемистокла. Он отправился в рейд, чтобы хорошенько пограбить

один из соседних островов. Деньги на это предприятие взял без особых гарантий у афинского народа. Кампания оказалась неудачной. Он был ранен. Народ страшно расстроился, решил его судить и приговорить к смерти. А от ранения у Мельтиада уже начиналась гангрена, его принесли в суд на носилках. Обвинители разжалобились и решили приговорить его не к смерти, а к колоссальному штрафу. Очень скоро после этого Мельтиад скончался, но его сын вернул долг афинскому народу.

Когда не стало главного соперника, Фемистокл вновь оказался на виду. Он один из десяти стратегов, по существу первый среди равных.

И он выступает с программой противостояния персам. Современные исследователи называют ее «морская программа Фемистокла».

Главная идея Фемистокла – бить персов на море. Не на суше, где они берут массой (никто не мог сосчитать, сколько у них на суше солдат; это называлось «тьма»). А вот сколько кораблей – сосчитать можно.

Фемистокл разошелся во взглядах со спартанцами. Они были, как известно, удивительными воинами, причем именно на суше. И не соглашались с «морской программой».

К тому же это вовсе не просто – построить корабли, возвести укрепления в гавани близ Афин. Нужны огромные средства. А вдруг ничего не получится?!

Греки, как настоящие дети, обратились к Дельфийскому оракулу. Ответ последовал, как всегда, смутный. Упоминалась в нем некая деревянная стена, которая спасет Афины, и божественный Саламин, остров у берегов Аттики, очень близко от Афин. Почему он божественный? Какие деревянные стены? Фемистокл дает свое толкование, с уверенностью, свойственной его характеру. Деревянные стены – это корабли, а Саламин божественный потому, что там состоится сражение. Именно у берегов этого небольшого острова, в закрытой Саламинской бухте, могут хорошо маневрировать маленькие, подвижные корабли греков, а большие персидские застрянут.

По инициативе Фемистокла греки строят маневренные корабли нового типа – триеры. Все силы брошены на победу.

Несколько раньше, выдвигаясь как лидер неформальной партии, Фемистокл широко использовал то, что потом погубило и его самого, – остракизм. Это голосование с помощью черепков, на которых пишется имя человека, опасного для греческого государства. Так принимается решение об изгнании. Ум и ораторское искусство позволили Фемистоклу добиться остракизма многих достойных людей, например честнейшего политического деятеля Ксантиппа (отца Перикла) и благородного Аристида. Их изгнали из Афин на 10 лет.

Теперь же он, как гибкий политик, говорит: «Надо их досрочно вернуть, ибо опасность для Афин слишком велика». И эти люди, любившие Афины не меньше, чем Фемистокл, стали ему активно помогать строить флот и укреплять город.

Афиняне построили 127 кораблей, которые вошли в объединенный греческий флот. Греки готовились дать бой на море.

Но персы во главе с новым царем Ксерксом двигались и по суше. На их пути стал спартанский царь Леонид с 300 воинами. Понятно было, что 300 человек смогут какое-то время удерживать Фермопильское ущелье, не позволяя персам пройти, но полностью остановить нашествие невозможно.

Сознавая это, Фемистокл организовал эвакуацию населения из Афин.

Считается, что, когда спартанец Эврибиад, командовавший объединенным флотом, замахнулся на него дубиной, Фемистокл произнес: «Ударь, но выслушай». И это осталось навсегда. Он стоял на своем насмерть. Он готов был многое претерпеть. Он всегда рисковал.

При этом он был еще и хитрым политиком. Ему удалось ввести в заблуждение самого Ксеркса. К тому был послан доверенный раб со словами: «Смотри, царь, Фемистокл просил передать, что он за тебя в душе. Перекрой Саламинскую бухту своими кораблями, чтобы флот греков не мог уйти».

Ксеркс так и поступил. Для чего это нужно было Фемистоклу? Многие греки сомневались: принимать бой или нет? Спартанцы предлагали отойти к югу и биться в районе Пелопоннеса, защищая Спарту, а не Афины. Но когда Ксеркс перекрыл бухту, стало ясно: бою быть.

Грандиозное морское сражение древности состоялось 28 сентября 480 года до н. э. В нем победили греки. Они проявили и большую маневренность и, главное, готовность умереть за свое дело. Им было, в сущности, нечего терять.

Вот несколько строк из драмы Эсхила «Персы»:

...Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь – за все!

Саламинская битва – это перелом в греко-персидских войнах. Потом будет еще битва при Платеях, но уже без участия Фемистокла. Греки отстают свою независимость.

А пока, после победы при Саламине, Фемистокл стал национальным героем.

Его восторженно приняли даже в Спарте, где всех, кроме спартанцев, считали иностранцами и где никому никогда не оказывали почестей. А в честь Фемистокла был устроен военный парад, ему подарили лучшую колесницу.

Почести ослепили его. Оказавшись на вершине славы, он забыл, что у знаменитых людей всегда есть враги и завистники. И что им трудно смириться с его успехом.

Фемистокл не выдержал испытания славой. Выстроил у себя во дворе храм, что не положено гражданину. Многие отмечали, что он стал заносчив. Как говорит Плутарх, Фемистокл докучал народному собранию частыми напоминаниями о своих заслугах.

Он был далек от идеала во многих вопросах, в том числе в денежном.

Еще в 480 году до н. э. пошли слухи, что он получил взятку от жителей острова Эвбея, для того чтобы флот не ушел, а защитил их. Этой взяткой он поделился с командующим, спартанцем Эврибиадом. Тот оставил флот у берегов острова. Битва с персами закончилась, можно сказать, вничью. Как истолковать этот факт? Кто Фемистокл – спаситель жителей Эвбеи или, говоря современным языком, коррупционер?

Теперь же поползли слухи, что он опасен для государства. А это означало остракизм.

Это голосование состоялось конце 70-х годов V века до н. э. Археологи нашли остраконы – черепки, использовавшиеся в качестве своеобразных бюллетеней. Из них более 2 тысяч – с процарапанным на них именем Фемистокла. Что означает – да, он опасен. А на одном из черпков читается даже грязное ругательство в адрес Фемистокла.

Вильгельм фон Каульбах. Битва при Саламине.
XIX в.

Вот что еще интересно. Современные исследователи подвергли черепки графологической экспертизе. И выяснилось, что 14 из 190 «заполнены» одним почерком. Очень напоминает сегодняшний «вброс бюллетеней». Не исключено, правда, что написать имя на черепке заранее поручали писцам.

Так или иначе, остракизм проведен, Фемистокл приговорен к изгнанию из Афин на 10 лет. Вот она, благодарность за спасение города! Оказывается, народ не любит победителей.

Потрясенный Фемистокл отправился в Аргос, это пока в пределах Греции, что было не запрещено. Но пока он пребывал в изгнании, аппетит разгорелся и у демоса, и у спартанцев, которые к этому времени его возненавидели. Ведь он дал когда-то битву не там, где они предлагали.

В Спарте тоже осудили своего полководца – Павсания, друга Фемистокла, обвинив его в связях с персами. По решению эфоров – наблюдателей, контролеров, жрецов – он был приговорен к страшной смерти. Его замуровали в храме.

Тень подозрения в связях с персами падает и на Фемистокла. Вспоминают, что он посылал к ним гонцов, притворялся, что хочет помочь. А может быть, не притворялся?

По настоянию Спарты над Фемистоклом устраивается заочный общегреческий суд. И выносится приговор – смертная казнь.

За ним по пятам идут убийцы – исполнители приговора. Он это прекрасно знает. Он бежит из Аргоса на Керкиру (остров Корфу), потом в Эпир – на север Балканского полуострова. Там его принял царь Адмет, которого он когда-то очень резко критиковал.

От безнадежности положения Фемистокл поступил так – схватил ребенка Адмета и сел у семейного очага. У греков это знак последней, отчаянной просьбы. Адмет смилостивился, принял его. Фемистокл даже вызвал к себе семью (у Фемистокла с женой – Архиппой – было десять детей).

Но его нашли и там. Адмет указал ему тайную горную тропу, по которой он перебрался в Македонию, оттуда на корабле – в Персию, к самым страшным своим врагам. Больше ему идти было некуда.

Фемистокл прибыл ко двору персидского царя. Есть разночтения: одни считают, что еще был жив Ксеркс, другие – что правил уже его сын Артаксеркс I, пришедший к власти после очередного дворцового переворота. В любом случае изгнанник был принят ласково.

При Артаксерксе Фемистокл оставался около шести лет. Фактически он стал вассалом персидского царя.

Он изучил персидский язык, хотя был уже немолод (к шестидесяти!) и занял приличное положение при дворе. Охотился вместе с царем. Получил со временем три провинции. Как пишут источники, об одной царь сказал – это тебе на хлеб, о второй – это тебе на вино. А о третьей – на приправу.

Но он никогда не забывал Грецию и не хотел мстить грекам. Однажды он увидел в храме в Сардах, в Персии, греческую статую, когда-то увезенную Ксерксом из Афин, и попросил местного наместника: «Верни статую Афинам». Эта просьба вызвала такое раздражение, что его чуть не убили. По одной из версий, ему даже прятаться пришлось в гареме у наместника.

В его душе жила любовь к Афинам. Родина есть Родина. Во все эпохи у человека есть эта привязанность к родному очагу, к своим детским воспоминаниям, к родным погостам, есть гордость за свое отечество.

Но вот Артаксеркс собрался снова воевать с греками. Война не завершена, мир не заключен (его заключат только в 449 году, после смерти Фемистокла). Происходили отдельные сражения, новый афинский полководец Кимон воевал отчаянно и достаточно успешно.

И конечно, Фемистокл получил предложение помочь персам.

Так вот именно тогда этот немолодой уже человек и умер, то ли просто от болезни, то ли приняв яд.

Его учитель оказался прав: из мальчика вышло именно нечто великое. И хорошее, и дурное. Это был человек с великими слабостями, – но и с великой любовью к родине. И второе, наверное, важнее.

Ганнибал. Верность клятве

Ганнибал. Звон и грохот оружия, великие победы, знаменитые боевые слоны. Ганнибал – полководец и государственный деятель Карфагена, государства в Северной Африке, главного соперника Древнего Рима. Рим стал великим именно победив Карфаген.

Как известно, молва любит в истории победителей и обиженных. Ганнибал причудливо соединяет в своей судьбе и то, и другое.

О нем немало написано. Причем исключительно его врагами римлянами. В Карфагене вообще не очень любили писать исторические сочинения. Там писали в основном счета, реестры, чеки. Это была страна торговли. Презируя жизнеописания, карфагеняне какое-то время даже осуждали греческие традиции письменной истории и запрещали изучать греческий язык.

Так вот о Ганнибале писали римляне, в том числе Тит Ливий и Плиний Младший. Но что изумляет – они отдавали ему должное! Они понимали, что Риму не стоило бы гордиться победой над слабым противником. А вот одолеть Ганнибала – это действительно заслуга!

У такой крупной личности, как Ганнибал, в истории неизбежно появляется мифологический шлейф. Кто не знает выражения «Аннибалова клятва»? («Аннибалова», ибо в России до революции говорили Аннибал, а не Ганнибал. Как произносили это имя люди древности, в точности неизвестно.) Это сочетание слов означает «твердая решимость бороться до конца, обещание неизменно следовать своим идеалам». А ведь Ганнибал действительно девятилетним мальчиком принес клятву, которую от него потребовал отец, и всегда был ей верен.

Еще он знаменит как гениальный полководец. Современные историки военного искусства отмечают его стратегию, маневры, хитрости, которые он применял, развитость разведки (у него всюду были надежные люди), его личную отвагу. Битва при Каннах, например, до сих пор считается классикой военно-стратегического мышления и поведения. Ее сравнивают даже со Сталинградским сражением в ходе Второй мировой войны.

Сохранилось, наконец, знаменитое выражение «Hannibal ante portas» – «Ганнибал у ворот». Оно снова зазвучало в Риме спустя столетия после Ганнибала, во время Спартакского восстания. Эта фраза – память о страхе, который вызывал Ганнибал у самой мощной воюющей страны древности.

Карфаген – город-государство, колония людей, которые пришли в свое время из Финикии, с береговой полосы современного Ливана и северо-западной Сирии. Там были некогда их знаменитые города Сидон, Тир (Сур в современном Ливане), Библ (на его месте ливанский Джебейл). Как бился Александр Македонский, осаждая Тир!

Надо сказать, что Ганнибал родился всего через 76 лет после смерти Александра Македонского. И став военачальником, сравнивал себя с этим великим полководцем. По преданию, он сказал: «Если бы я победил Рим, я был бы выше Александра. А так я все-таки после Александра».

Финикийцы, теснимые соседями, прежде всего ассирийцами, вынуждены были искать, где им пристроиться. Торговцы, прекрасные мореплаватели, они рассеялись по Средиземноморью. Больше всего их привлекали остров Сицилия на юге Италии, тогда еще Риму не принадлежавший, и север Африки.

В Африке выходцы из Тира в IX веке до н. э. основали Карфаген, который со временем стал не колонией Финикии, а самостоятельным городом-государством. Это окраина современного города Туниса – место былого Карфагена, стертого римлянами с лица земли. Буквально уничтоженного после Третьей пунической войны.

А Ганнибал— герой Второй пунической войны. (Название «пуническая» связано со словом «пуны» – так называли себя сами жители Карфагена.)

К III веку до н. э. культура Карфагена представляла собой некую смесь наследия Востока и эллинистической Греции. Очень большой город— около 700 тысяч населения, в то время как в Риме проживало менее 300 тысяч. (Рим тогда только выходил в первые державы мира.) Карфаген – торговый посредник между Востоком и Западом, прежде всего Испанией.

Корнелис Корт. Битва при Заме.
1567 г.

Ганнибал родился в 247 году до н. э. в семье крупного карфагенского военачальника и государственного деятеля по имени Гамилькар Барка. (Барка переводится как «молния».) Семья вела свою родословную от одного из спутников Эллы, легендарной основательницы Карфагена, со временем обожествленной и принявшей облик богини Тиннит.

Отец очень гордился своими тремя сыновьями. Ганнибал был старшим. Ему дали самое распространенное пуническое имя. Ганнибал переводится как «милостив ко мне Баал». А Баал – бог неба, грозный и страшный.

Детство Ганнибала прошло в Иберии, на территории нынешней Испании, в суровой и дикой стране. Отец все время воевал. Были еще два брата. Гасдрубал, чье имя означает «мне помогает Баал», примет участие в походе Ганнибала в Италию, возглавит войска в Испании и будет убит в бою. Магон – в переводе «дар» – погибнет в Италии много позже.

Кроме того, у Ганнибала три сестры. Муж одной из них, Гасдрубал Красивый, сыграет заметную роль в судьбе зятя.

Существует исторический анекдот. Три мальчика, Ганнибал и братья, играют, резвятся. Отец смотрит на них и говорит: «Вот львята, которых я рошу на погибель Риму».

Что же это за идея погибели Рима, как она возникла? Политическое устройство Карфагена в это время сильно отличалось от римского. Рим, объединив Италию под своей властью, продвигался в сторону демократизации. Римляне гордились тем, что народ участвует в управлении. Карфаген – строго олигархическое государство. Совет Тридцати – высший орган власти, – самые богатые, самые знатные и, как покажет судьба Ганнибала, самые жадные до власти и денег.

Эта олигархическая республика назначала полководца. А армия, в отличие от римской, здесь была исключительно наемная. Карфаген воевал не за счет своих жителей. Наемниками становились представители разных этносов. У Ганнибала были наемники из Испании, Галлии (будущей Франции), Северной Италии. Все они воевали за деньги, а возглавлял их военный вождь, пользовавшийся большим авторитетом. Таковым был отец Ганнибала, а позже и он сам.

Рим и Карфаген были соперниками. Между ними шла борьба за мировое господство в тогдашнем понимании – за влияние от Пиренейского полуострова до Евфрата, от Скифских степей Северного Причерноморья до песков Сахары. Бились не на жизнь, а на смерть. Первая пуническая война 264–241 годов до н. э. – битва двух морских держав за Сицилию.

Римляне отстаивали свои позиции. Карфагенянам пришлось уйти с Сицилии и выплачивать Риму контрибуцию.

Отец Ганнибала сражался мужественно и отчаянно – и все-таки проиграл. После этого он отправился командовать карфагенскими войсками в Испании, сражаться с местными племенами, воинственными, суровыми. Там удалось захватить серебряные рудники, и это помогло военачальнику поддерживать свое войско, хорошо платить наемникам и достигнуть определенного успеха. Но сам Гамилькар Барка рассматривал все это только как подготовку к будущей войне с Римом. Дети полководца постоянно жили в военном лагере, обучались воинскому искусству. Вообще об образовании Ганнибала трудно судить. Видимо, с мальчиком занимались и домашние учителя. Он изучал языки, овладел греческим. По свидетельству его римского биографа Корнелия Непота, он сочинил несколько книг на греческом языке. «Книг» не в современном смысле слова. Книгой называли рукопись, которая умещается на одном свитке.

Детство Ганнибала заканчивается в момент принесения клятвы. Была ли она буквально так обставлена, как описывают источники? Это неизвестно. Но что-то произошло. Через три года после поражения в Первой пунической войне отец привел девятилетнего сына в храм и принес жертву грозному Баалу. Надо сказать, Баал принимал и человеческие жертвоприношения, что решительно отличало культуру Карфагена от культуры Древнего Рима. Римляне этот обычай всегда осуждали.

В Карфагене в жертву часто приносили младенцев, а именно первенцев из знатных семей. Младенцев спускали по желобу, и они падали, как считалось, в геенну огненную. Ганнибалу посчастливилось не оказаться жертвой, но от него потребовали определенной жертвенности. Отец велел ему дать страшную клятву, смысл которой был в том, чтобы посвятить всю свою жизнь борьбе с Римом. И мальчик поклялся, как пишет один из историков, «ухватившись за рога алтаря» с изображением быка.

Какое впечатление это должно было произвести на ребенка! Он, по счастью оставшийся в живых в младенчестве, держится за рога быка, воплощающего кровожадного Баала, и приносит клятву. Это его личное жертвоприношение.

И вся дальнейшая жизнь посвящена выполнению данного обещания.

В 229 году до н. э., когда Ганнибалу было 18 лет, отец погиб, утонул при переправе в ходе очередных военных действий. Его сменил зять Гасдрубал, а Ганнибал стал командовать при нем конницей.

Это продолжалось недолго: в 221 году до н. э. Гасдрубал пал от руки убийц. И тогда войско избрало, провозгласило двадцатилетнего Ганнибала главнокомандующим. Карфагенский Сенат был не в восторге, считалось, что новый полководец молод, не так велик его опыт. Но войско сказало свое слово столь властно, что Сенат счел за лучшее утвердить эту кандидатуру. Так судьба привела Ганнибала к реальной возможности исполнить свою клятву. Можно сказать, началась его настоящая биография.

О его частной жизни мы почти ничего не знаем. Туманно говорят, что у него была некая жена из Испании. Есть упоминание о его равнодушии к прекрасным пленницам, которых было в его распоряжении сколько угодно. Поговаривали даже, что на этом основании можно было усомниться в его африканском происхождении. Но он просто жил единственной страстью – искал повод для того, чтобы разразилась война с Римом.

Ганнибал был нарочито дерзок с римскими послами. Не помогло. Римляне решили сделать вид, что ничего не замечают. Тогда он привел войска под стены находившегося под властью Рима города Сагунта на Пиренейском полуострове и восемь месяцев его осаждал. И уже

после того, как этот важный для римлян город пал, им ничего не оставалось, как, угрожая войной, потребовать выдать Ганнибала для наказания.

А ему именно этого и надо было. Карфаген отказался выдать своего полководца. Началась война, которая длилась почти 20 лет и получила название Второй пунической.

Гибель Эмилия Павла.
1702 г.

У римлян был четкий, заранее составленный план. Они собирались вести войну на двух фронтах – в Африке и в Испании.

Но Ганнибал взял и стремительно разрушил все эти штабные планы. Он двинул свое огромное войско, не меньше 80 тысяч человек, в Италию. Это считалось невозможным. На пути были два могучих горных хребта – Пиренеи и Альпы. Кто же может такое придумать – идти туда пешком!

Ганнибал пошел. Он продвигался к Италии с потрясающей быстротой, воодушевляя наемников собственным примером. Тит Ливий пишет о нем: «Он одинаково терпеливо переносил жару и холод. Меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием. Выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи. Многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и караулах. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первый вступал в бой, последним покидал сражение». Он вызывал у воинов уважение своим личным мужеством, железной волей.

Пиренеи Ганнибал преодолел стремительно. И двинулся к Альпам. У него было 37 слонов. Это особенность карфагенского войска – слоны, которых не было у римлян. Поначалу слоны произвели на противника ошеломительное впечатление. Потом римляне успокоились и стали называть их «луканскими быками». А еще позже научились так на них влиять, чтобы испуганные, неуправляемые слоны стали не только бесполезными, но и опасными для тех, кто их использует. А из слонов Ганнибала со временем уцелел только один.

Но пока со слонами, неожиданным маршрутом, разрушив римский генеральный план, Ганнибал примерно за 15 дней переходит Альпы и приводит войско в Италию. Далее следует серия сенсационных подвигов, которые и сотворили его великий образ.

Перейдя Альпы, он, образно говоря, свалился на голову римлянам в Северной Италии, в долине реки По.

Армия Ганнибала была в тот момент непобедимой. Но римляне обладали умением очень быстро учиться, что и позволило им создать мировую державу. В Первой пунической войне они научились воевать на море. Изначально карфагеняне, потомственные мореплаватели, были сильнее в морском бою. Но римляне изобрели abordажные мостики, которые они перебрасывали с корабля на корабль, превращая морской бой в вариацию сухопутного.

Теперь перед ними была мощная карфагенская конница, всегда наносившая решающий удар. Римляне прежде делали ставку на пешее, тяжеловооруженное войско. Но они опять учатся – и победят Ганнибала благодаря сильной коннице.

А пока преимущество на его стороне. В ноябре 218 года до н. э. происходит сражение на реке Тицини (приток реки По). Ганнибал разбивает консула Публия Корнелия Сципиона, отца будущего своего победителя.

В конце декабря 218 года до н. э. – битва на реке Требии, тоже притоке По, и опять победа Ганнибала.

И самая знаменитая, 21 июня 217 года до н. э., – битва при Тразименском озере. Это совершенно потрясающая история, где Ганнибал показал себя великим полководцем.

Он пополнил свою армию восставшими галлами, которые были недовольны римским владычеством. Три дня и четыре ночи армия шла по грудь в воде, по болотам у реки Арно. Отдохнуть можно было только на трупах павших лошадей. Там погибли все слоны, кроме одного. У самого Ганнибала началось некое воспаление в глазу. В итоге он потерял глаз.

Благодаря своему совершенно безумному маневру Ганнибал обошел заготовленные римлянами укрепления. Он обманул бдительность консула Фламиния, который, не ожидая такого, расположил свое войско на более возвышенных местах. Когда Фламиний оказался на тесном пятачке, на него со всех сторон ринулось карфагенское войско. Это было страшное побоище. Сам консул убит. Десятки тысяч людей без пощады уничтожены. Жертвы были с обеих сторон, но римляне понесли значительно больший урон. Это была победа полководца, человека, преодолевшего немислимые тяготы войны.

Казалось, Рим обречен. Ганнибал двинулся в Апулию – юго-западную часть Италии. Ему требовалось время для восстановления сил войска, для его пополнения, переснаряжения.

Римляне в ужасе избрали диктатора – Квинта Фабия Максима, который вскоре получил прозвище Кунктатор (Медлительный). На самом деле это был разумный человек, который понял, что не надо торопиться лоб в лоб сшибаться с Ганнибалом, правильнее отдельными нападениями, стычками, мелкими сражениями обессиливать страшного врага.

Этим Квинт Фабий Максим напоминает Барклая де Толли, изматывавшего Наполеона во время Отечественной войны 1812 года. И тоже тактика оказалась достаточно разумной.

Но кунктаторов не любят, считают трусами, чуть ли не предателями. Квинта Фабия Максима отстранили.

А впереди было еще одно страшное поражение римлян – битва при Каннах, в западной части Италии 2 августа 216 года до н. э., самое знаменитое сражение Ганнибала, классика учебников по военной истории. Он построил войско полумесяцем, расположив в центре самых слабых наемников. И добился желаемого результата. Римляне ударили по центру, прорвали, подавили его... и зарылись в глубину его войска. Знаменитый прием – разделение войска соперника на две части, окружение этих частей по отдельности, а затем полное уничтожение. Многие десятки тысяч людей погибли. Римская армия была уничтожена.

Ганнибал не торопился идти на Рим. Он подошел близко, но штурмовать Рим не стал: ждал подкрепления, войска во главе со своим братом Гасдрубалом, которое должно было прийти из Испании. Но по дороге брат был разбит.

Ганнибал. Гравюра XIX в.

В 211 году до н. э. Ганнибал у ворот Рима, в городе тот самый клич: «Hannibal ante portas!» – и настоящая паника. Но он не штурмует. Продолжает маневрировать, потому что не получил подкрепления.

Рим постепенно приходит в себя. Эта великая способность римлян – сохранять мужество, перестраиваться, обучаться. Причем армия Ганнибала – это наемники, Рим же защищают граждане.

Гражданская община ощетиливается для защиты своих интересов. И то самое, что Лев Николаевич Толстой гениально называл духом войска, решающим судьбу сражения, судьбу войны, здесь было на стороне римлян.

Пока Ганнибал, не дождавшийся подкрепления, маневрирует уже без особого успеха, римляне наносят Карфагену удары в Испании, теснят со всех сторон. Перевес сил уже на стороне Рима.

А хуже всего то, что Ганнибала перестают поддерживать из Карфагена. Позже сам он сформулирует это так: «Не Рим, а карфагенский Сенат победил Ганнибала».

Ему не доставляют должных средств, у него нет такой вольготной финансовой ситуации, которая была в свое время благодаря достижениям его отца в Испании.

У карфагенской знати крепнет опасение, что такой прославленный полководец станет опасным для республики, то есть для власти. Олигархия всегда предпочитает, чтобы все власть имущие были более или менее равны друг другу, чтобы все вместе, единым жадным, корыстным кулаком сжимали страну. А личность, возвышающаяся над ними, их смущает, тревожит.

Они не то чтобы открыто вредят Ганнибалу, но давно не помогают ему. И он ощущает невозможность продолжать наносить такие чувствительные удары, как те, которые он наносил Риму прежде.

К тому же у римлян появляется талантливый командующий – Публий Корнелий Сципион-младший, который получит затем почетное прозвище Африканский. Будущий победитель Ганнибала. И в 204 году до н. э. карфагенский Сенат отзывает Ганнибала в Африку на защиту отечества. В общем-то, все логично, все правильно. Но ему помешали продолжать войну на территории Италии.

Он прибывает в Африку, настроенный на новые победы. Ему 43 года, а в 202 году до н. э., когда в конце осени состоится битва при Заме, – 44. Это овеянный славой, еще полный сил человек. Но его ждет его единственное крупное поражение. За 20 лет войны Рим многому научился.

После битвы при Заме, которую Ганнибал проиграл, был заключен мир, очень выгодный для Рима. Карфаген лишился права иметь флот, сохранил владения только в Африке, должен был в течение 50 лет платить контрибуцию.

Но Рим выиграл не только это. Он выиграл самого себя как потенциального лидера тогдашнего мира. Научившись воевать с таким соперником, как Ганнибал, мобилизовываться, когда, казалось, все кончено, переносить гибель консулов, потери десятков тысяч людей, преодолев все это, Рим и сделался равным самому себе.

Как ни странно, некоторое время после поражения Ганнибал занимал в Карфагене должность суфета – первого лица, верховного судьи.

Что же он делает на этой должности? Начинает бороться с продажностью тех, кто наживался на войне, кто, вероятно, подыгрывал врагам.

Но очень скоро он получил информацию о том, что власти Карфагена намерены-таки ответить на многолетние требования римлян и выдать его победителю. В 195 году до н. э. он бежал. Далее последовали 12 лет эмиграции.

Сначала он направился в Сирию, к Антиоху III. Потом он у правителей Армении, затем в Вифинии, у царя Прузия.

И все эти годы он верен клятве. Он не просто спасает свою жизнь, но старается подтолкнуть правителей малазийских и южноевропейских государств к борьбе с Римом. Ганнибал еще рассчитывает создать новую коалицию и вернуться к делу своей жизни. Он даже принимает участие в нескольких не очень значительных, не очень крупных сражениях против Рима, нигде не терпит поражения, но это, конечно, не тот масштаб.

Ему не удастся найти тех, кто рискнул бы поднять знамя борьбы против Рима, за мировое первенство, как некогда Карфаген. Ганнибалу приписывают слова: «Моя жизнь – неизменное усилие воли к единственной цели». Да, он имел право так сказать. Он мог мысленно отчитаться перед отцом в том, что клятвы, принесенной в детстве, он никогда не нарушил и всегда стремился ее исполнить.

Однако Рим был уже настолько сильнее всех государств, пытавшихся сохранить свою независимость, что Ганнибалу всюду угрожала опасность быть выданным. В очередной раз он получил информацию о том, что Прузий, царь Вифинии – сравнительно небольшого государства в Малой Азии, которое маневрировало между соседними правителями, – Прузий, который долго притворялся другом, готов выдать его римлянам. В 183 году до н. э. яд из перстня прервал жизнь Ганнибала.

Римский политик и оратор Марк Тулий Цицерон говорил: «Сограждане изгнали его, а у нас, мы видим, он, враг наш, прославлен в писаниях и в памяти». Его непримиримые враги сохранили для потомства память о нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.